

18+

Ева Дреянде

ИРИЙ

НА СТЫКЕ МИРОВ

Ева Дреянде

Ирий. На стыке миров

«Издательские решения»

Дреянде Е.

Ирий. На стыке миров / Е. Дреянде — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-650044-0

Кто я? Почему не такой, как все? Эти вопросы с детства мучали Толю. В пять лет он узнал о своей скрытой сущности и понял, что опасен для мира. Рядом нет никого, кто бы смог ответить на его вопросы. Есть только те, кого он должен защитить, причём в первую очередь от себя. Его жизнь балансирует на стыке между мирами. Сможет ли он простить тех, кто лишил его дома? Победит ли тех, кого издревле считали богами? Стоит ли жизнь усилий, которые закалили его характер и превратили в настоящее Чудище?

ISBN 978-5-00-650044-0

© Дреянде Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	21
Часть 2	23
Глава 1	23
Глава 2	28
Глава 3	32
Глава 4	34
Глава 5	35
Глава 6	38
Часть 3	40
Глава 1	40
Глава 2	42
Глава 3	43
Глава 4	45
Глава 5	48
Глава 6	50
Глава 7	54
Глава 8	56
Глава 9	57
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ирий. На стыке миров

Ева Дреянде

Екатерина Михайловна Шрейбер *Дизайнер обложки*

Юлиана Королёва *Иллюстратор*

Надежда Ефремова *Иллюстратор*

© Ева Дреянде, 2024

© Екатерина Михайловна Шрейбер, дизайн обложки, 2024

© Юлиана Королёва, иллюстрации, 2024

© Надежда Ефремова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0065-0044-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

– Смотри, три звезды в ряд, как дырочки на поясе великана Ориона.

Она замерла, вглядываясь в ночное небо.

Полная луна мягко и нежно освещала всё вокруг, ему казалось: от девушки исходит серебристое мерцание.

Толя даже не вслушивался в то, что она говорила, просто любовался ею: светлыми, непослушными прядями, вечно выбивающимися из причёски, чуть вздёрнутым носом, кончик которого девушка тербила в минуты задумчивости.

Лада никогда не раздражала его. Толя не мог припомнить ни одного дня, когда злился или сердился на неё. Даже сейчас: она несла несусветную чушь, несвойственную этой девочке, но он лишь улыбался, понимая причины.

Толя знал Ладу, как свои пять пальцев, вернее, все десять. Знал даже лучше её самой.

Они встретились чуть меньше двенадцати лет назад, а он до сих пор помнит каждую деталь того дня: слова, выражение лиц, ощущения.

– О, новенький! – всплыл в голове ехидный голос старосты Анжелки. – Чего застыл? Подойди. – Не дождавшись его реакции, девчонка подскочила сама. – Так, с сегодняшнего дня ты дежуришь по классу.

– Хорошо, – кивнул он. – Я слышал, вы чередуетесь. Сегодня отдежурю, а завтра пусть кто-то другой, – произнося это, Толя уже знал, что последует дальше.

Ничего не менялось. В каждой новой школе всё начиналось одинаково. Он мысленно заставил себя расслабиться и не раздражаться.

– С чего ты так уверен? – хмыкнула староста. – Мы уже с начала учебного года по несколько раз отдежурили, а ты нет. Значит, будешь отрабатывать пропуски.

– Я ничего не пропускал. – Толя поглубже засунул руки в карманы. – Как можно что-то пропустить, физически отсутствуя? Я не учился в вашей школе в то время.

Анжела начинала медленно закипать. Ей никто не перечил: в классе знали о вредном характере и злопамятности старосты.

– У нас свои правила, – буркнула она.

– Кто их придумал? – парировал Толя.

– Думаешь, самый умный? – зашипела Анжелка.

Учительница, как на зло, куда-то вышла, одноклассники тихо шушукались за их спинами, некоторые посмеивались, предвкушая захватывающее зрелище.

Толя старался не связываться с девчонками, но в каждой школе обязательно находилась парочка заноз, подобных этой старосте.

Он задумался, пытаясь придумать план отступления без потери собственного достоинства. В коридоре раздался школьный звонок. Девчонка победно хмыкнула, принимая его молчание за капитуляцию.

– Анжел, хорош кипятиться. – Вдруг вынырнула откуда-то светловолосая девчонка. – Парень прав. Ты иди лучше пожонглируй своей властью в Совете школы. А то мы добровольцев собрать не можем для помощи ветеранам.

От такой наглости Анжелка захлопала ресницами и покраснела. Защитница же мило улыбнулась прямо ей в лицо.

В класс вбежала запыхавшаяся учительница, всем пришлось разойтись по своим местам.

– Допрыгаешься, Ладка, – шикнула староста в спину светловолосой.

Девчонка же, нисколько не заботясь об угрозе, ткнула новенького локтем:

– Иди на последнюю парту у окна, она свободна.

Сама направилась к третьему ряду и уселась за предпоследний стол.

Почти все разошлись по местам, а Толя в задумчивости стоял в центре класса. Потом решительно снял рюкзак и, сделав несколько шагов, уселся рядом с защитницей:

– Не против?

– Нет, – спокойно ответила девчонка. – Меня Лада зовут.

– Толя, – улыбнулся он в ответ.

Глава 2

Сколько помнил, они с Веселиной всё время переезжали. Маленькие посёлки сменялись большими городами, мегаполисы – провинциальными городишками, несколько раз пришлось останавливаться в деревушках.

Толя не успевал заводить друзей, расстраивался первое время, потом осознал: так даже лучше. Привязанности держат крепче якоря, а они, словно кочевники, не задерживались на одном месте дольше года.

С малых лет Толя называл Веселину мамой, хотя знал: она лишь его «берегиня» или нянька, проще говоря. Однако понимая это, он её любил и преклонялся перед самоотверженностью приёмной матери.

Когда-то Веселина добровольно связала себя астральными узами с младенцем, имеющим смутное будущее, с условием их прекращения лишь в том случае, если подопечный перестанет нуждаться в её опеке. Столько лет прошло, а узел до сих пор не развязан.

Людам, живущим здесь, невозможно объяснить подобные клятвы. Если бы кому-то удалось посмотреть на мир его глазами, то они увидели бы: всё вокруг опоясано тонкими энергетическими нитями, дрожащими, словно паутина. Одни толстые: толщиной с волос, другие – едва заметные.

Энергетические нити хорошо видны в солнечном свете и почти не различимы ночью. Астральных уз в мире людей нет. По крайней мере Толя пока не встречал таких.

Веселина никогда не жаловалась на судьбу. Хотя её дар угасал с каждым годом, «берегиня» не унывала, заботилась о Толе, как о родном сыне, защищая от трудностей окружающего мира.

Первое время она боялась, что ребёнок с таким высоким потенциалом быстро попадёт в поле одного из многочисленных магоулавливателей, разбросанных по планете с древних времён. Однако им повезло.

Переход через портал оказался внезапным и стремительным, поэтому большая часть способностей Толи угасла, словно укрывшись на время в норе, забрав с собой младенческие воспоминания. До пяти лет он жил, как обычный ребёнок. «Берегиня» не спешила возвращать память, давая возможность насладиться детством. За это Толя тоже был благодарен.

Проблемы начались в пять лет. Сначала из глубин памяти стали всплывать обрывки воспоминаний в виде сновидений. Потом любой эмоциональный срыв выплёскивал неконтролируемую энергию, пугая его и окружающих.

Вот тогда Веселина собрала вещи, и они уехали в маленькую, полузаброшенную деревушку подальше от чужих глаз. «Берегиня» около двух лет осторожно настраивала его астральное поле и учила им пользоваться. Давала азы магии, объясняла как контролировать эмоции.

Тогда же приёмная мать рассказала историю его рождения и причины побега. Её рассказ помог структурировать младенческие воспоминания, заполнить пробелы и ответить на вопросы, которые он сам себе задавал.

Через два года они вернулись в город, и Толя пошёл в первый класс. Он уже не был беззаботным малышом, непомнящим своё прошлое.

Взрослые удивлялись его рассудительности и терпению, порой граничащим с равнодушием, за которым на самом деле скрывался жесточайший самоконтроль эмоций. Толя помнил, какая сила бушует в нём, и не хотел никому навредить.

Однако мальчишка есть мальчишка. Порой сдерживаться не получалось. Тогда Веселина паковала чемоданы, и они снова меняли место жительства.

По происхождению приёмная мать была феей радости. Её дар позволял беспрепятственно получать любые документы, устраиваться на хорошую работу и обзаводиться нужными

связями. Люди чувствовали себя счастливее в присутствии Веселины. Когда человек счастлив, любые проблемы кажутся мелкими и незначительными, поэтому окружающие с удовольствием помогали им.

Со временем дар начал угасать. «Берегиня» со страхом смотрела в будущее, опасаясь за судьбу подопечного, который к тому времени уже перешёл в третий класс.

Именно тогда у Толи появился первый в жизни настоящий друг.

Глава 3

Лунный свет струился над домами, превращая обычный, провинциальный городишко в сказочную страну.

Тёмные силуэты деревьев отбрасывали лиловые, густые тени. Казалось, вдоль дорог выстроились молчаливые стражники с острыми пиками наперевес.

Влажные от дождя улицы мерцали и слегка бликовали, словно по ним пробежали волны.

Ночные сумерки преображали пятиэтажки советской постройки, скрывая местами выщербленный кирпич и покосившиеся подоконники. Витрины магазинов в белёсом лунном сиянии превращались в хрустальные зеркала мистического замка.

Он любил такие ночи: тихие, светлые и пустынные, когда никто не мешал ему размышлять, анализировать свои ощущения, пробуждать воспоминания. Кроме того, Толя заметил: свет луны не только успокаивает, но и даёт ему силы, питает энергией.

Именно в такую ночь проявилась его магия. Разум открылся, словно распустившийся бутон, выпуская забытые детские воспоминания. С каждым днём их становилось всё больше. Если бы не Веселина, мальчишеский мозг просто захлебнулся бы.

Оказывается, маги помнят свою жизнь с момента рождения. Как только ребёнок открывает глаза, всё увиденное и услышанное записывается, словно на видеоплётку.

С пяти лет Толя каждую ночь копался в своей голове, пытаясь выудить информацию о родителях.

Про отца данных сохранилось много, кроме того, Веселина рассказывала о нём. Однако о матери сведения пропали, словно их стёрли специально. «Берегиня» ничего о ней не знала.

Толя снова устремил взгляд в звёздное небо, пытаясь сосредоточиться. Кончики пальцев слегка покалывало. Магия, накопившаяся в нём за долгое время, бурлила и била током, как статическое электричество. Слишком давно он не давал ей выхода.

Толя покосился на Ладу. Она затихла, молча разглядывая созвездия и думая о своём.

– Помнишь, мой отец как-то взял нас в лес и устроил салют? – спросил он.

– Ещё бы. Мы с Юркой в таком восторге были, – Лада хихикнула, прикрываясь ладошкой. – Орали сначала от страха, грохот-то стоял сумасшедший, потом от радости.

– Знаешь, отец ведь его сам сделал. Представляешь?

– Правда? – Глаза девушки удивлённо расширились. – Вот это да! Он у тебя классный был.

Лада хотела сказать ещё что-то, но замолчала. Толя догадался. Даже в её мысли можно не лезть. Эту девушку он считывал по выражению лица.

Анатолий спрятал руку за спину, слегка дёрнул запястьем, словно стряхивая воду, потом сложил пальцы в неведомый знак. Вдалеке послышались хлопки.

– Смотри, – ахнула Лада.

В небе один за другим распускались лохматые хризантемы фейерверка. Яркие, разноцветные, брызжущие сверкающими искрами. Лада счастливо захлопала в ладоши.

«У отца такой не получился бы», – подумал Толя, глядя на девушку. Потом поднял глаза к небу: «Спасибо. Ты успел дать мне столько... Я горд называть такого человека отцом».

Его звали Павел. Обычный мужчина средних лет, ничем внешне не выделяющийся среди толпы вечно спешащих людей.

Толя с Веселиной в тот год оказались в областной столице после очередного переезда. Анатолий должен был пойти в третий класс.

Однако в первый же день он схлестнулся с местной шпаной, мучавшей полудохлого щенка возле дома под снос. Подростки, куражась, заманили Толю на пару этажей вверх, затем окружили, собираясь припугнуть и отобрать у глупыша деньги.

Самый крупный парень приблизился к нему, размахивая щенком. Маленькое тельце безжизненно болталось из стороны в сторону.

Толя не помнит дальнейших событий. Его накрыла горячая, обжигающая волна ярости, которая вырвалась наружу языками пламени. Сначала вспыхнули старые обои на стенах, потом затрещала брошенная жильцами мебель, разлетаясь в щепки.

Хулиганы заметались от ужаса. Их главарь, бросив щенка, кинулся к выходу, за ним последовали другие.

Оставшись один, Толя с болью смотрел на мёртвое тельце. Ярость от бессилия вспыхнула снова. Она нарастала, пламя бушевало вокруг него. Затрещал потолок, местами вспучился паркетный пол, со звоном лопнуло окно. Мелкие осколки брызнули в его сторону, несколько впились в щёку и шею.

Его всего трясло, но остановиться не получалось. От отчаяния слёзы лились из глаз, уши заложило, пальцы от напряжения свело судорогой. В тот момент, когда силы почти иссякли, в дверном проёме мелькнула чья-то тень. Закрывая глаза, Толя успел увидеть незнакомое, мужское небритое лицо.

– Держись, парень.

Очнулся на полу в подъезде. Незнакомец ошарашенно метался между ним и местом пожара. Однако пламя пропало, оставив обугленные стены и вздыбленный местами пол, усыпанный мелкими осколками.

– Ничего не понимаю, – пробормотал мужчина. Увидев, что Толя открыл глаза, незнакомец склонился над ним.

– Как ты? Сейчас скорую вызову.

– Нет! – испуганно крикнул Толя, подскакивая на месте. – Не надо. Я в порядке.

– Что значит не надо? – недовольно хмыкнул спаситель. – Я тебя из самого пекла выдернул. Как мне показалось, – добавил он слегка неуверенно. Затем нахмурился, словно что-то припоминая, и уставился на парня. – Тебя как зовут?

– Толя.

– А меня Павел. Будем знакомы. – Мужчина вытер руку о штанину и протянул ему.

Толя молча пожал её, смутившись от пристального взгляда незнакомца, затем отвёл глаза и посмотрел вокруг, пытаясь отыскать рюкзак.

– Мне нужно домой. В школу всё равно нельзя в таком виде.

Павел отошёл и внимательно разглядывал место пожара: поднял пару щепок, провёл пальцем по стене, понюхал сажу, после чего обескураженно хмыкнул.

Толя, схватив рюкзак, найденный в углу, начал тихо спускаться вниз, стараясь уйти незамеченным.

– Пстой-ка. – Мужчина заметил его отступление. – Говоришь, в больницу не надо? – Увидев, как Толя испуганно замотал головой, Павел вдруг хитро прищурился и подмигнул. – Тогда я провожу тебя домой и передам родителям из рук в руки. Договорились?

Толе ничего не оставалось, как удручённо кивнуть:

– У меня только мама.

– Вот с ней и поговорю. Не дрейфь. Ругать не буду. Щенка жаль, – брошенными фразами Павел коротко описал своё отношение к увиденному. – Давай дружить? – Он сжал ладонь в кулак и протянул Толе.

Тот чуть подумал, внимательно посмотрел мужчине в глаза и в знак согласия стукнул своим кулачком в ответ.

Так у Толи появился первый в жизни друг.

Глава 4

Павел с того дня часто виделся с Толей.

В этом невысоком, невзрачном мужчине оказалось столько добропорядочности, отзывчивости и мудрости, что Веселина незаметно для себя прониклась к нему уважением. Толя, знавший её сущность, удивлялся, поскольку феи обычно не привечали людей и уж тем более не пускали их в свою личную жизнь.

Павел работал пожарником. Толе нравилось общаться с ним, потому что мужчина видел в нём равного: на правах друга предложил заниматься в секции самбо, втянул в утренние пробежки, научил играть в шахматы. Павел обладал удивительным, аналитическим складом ума, много читал, увлекался историей, порой отправлялся в дальние деревни, собирая и записывая рассказы стариков.

Со временем Толя начал замечать: взрослый друг заглядывается на Веселину, а она, смущаясь, прячет глаза. Поэтому нисколько не удивился вопросу: не будет ли с его стороны возражений, если Павел сделает матери предложение?

С одной стороны, Толя не против, даже, наоборот, порадовался за «берегиню». Должна же она получить своё женское счастье, которое, без сомнений, заслужила.

С другой стороны, возникала большая проблема: Павел не знает их тайну. Как жить под одной крышей с человеком, которого придётся обманывать? Ложь – худший попутчик. Кроме того, всплески силы до сих пор случались спонтанно, скрывать их тяжело, объяснить несведущему – ещё сложнее.

Взвесив все аргументы с точки зрения безопасности, Толя понимал: приёмная мать ни за что не согласится. Ей будет больно, но долг для «берегини» превыше всего.

Однажды ночью он услышал, как Веселина тихо плачет в своей комнате, вернее, почувствовал. Астральная нить чуть подрагивала от всхлипываний и бередила его душу.

Впервые страдания матери так всколыхнули Толю. Он – источник, загубивший её жизнь. Веселине пришлось покинуть любимый лес, подруг, отказаться от личного счастья, связав себя обещанием. Кто взял с неё такую клятву? Отец? На эти вопросы Толя не знал ответа, но с той ночи решил никогда больше не заставлять Веселину страдать.

Утром он сел напротив «берегини» и без утайки выложил всё, что надумал. Её глаза, полные слёз, подтвердили его догадки.

– Не плачь, выход есть. – Толя успокаивающе похлопал Веселину по руке.

«Берегиня» настороженно замерла, с надеждой глядя на сына.

– Мы должны довериться Павлу. – Увидев испуг на её лице, Толя быстро продолжил: – Признайся, ты уже веришь ему, иначе не подпустила бы так близко. Кроме того, нам нужен в этом мире настоящий друг, хотя бы один. Понимаешь?

Мысли Веселины метались, словно стая испуганных птиц. Толя пытался уловить их, но не получалось. Тогда он мысленно натянул астральную нить и, используя её как передатчик, резко бросил в эфир: «Стоп!»

От неожиданности реальность чуть вздрогнула и на секунду застыла, как стоп-кадр, но уже через мгновение Веселина, нахмурившись, уставилась на Толю:

– Давно ты мысли читаешь?

– Ещё плохо получается, – он хитро улыбнулся. Уловка сработала: приёмная мать отвлеклась от своих переживаний.

– Мог бы сказать, – «берегиня» обиженно надула губы.

– Сюрприз готовил. Хотел потренироваться подольше.

– У тебя получилось. – Лицо Веселины засияло горделивой улыбкой.

Каждое Толино достижение она считала личной победой. «Берегиня» нежно провела рукой по тёмным, вихрастым волосам приёмного сына и слегка задумалась.

– Иногда мне кажется, что из нас двоих взрослый – ты, – вздохнула она. Но увидев снисходительную Толину ухмылку, тут же бросила: – Не зазнавайся! Выглядишь-то всё равно как лохматый, малолетний мальчишка. Не маг, а разбойник с большой дороги.

Они посмотрели друг на друга и, не выдержав, прыснули от смеха. Хохотали, пока Толя с грохотом не упал со стула. Тут же раздался гулкий стук по батарее: их пожилая соседка снизу не любила шум.

Заговорщически подмигнув друг другу, они разбежались по комнатам, собираясь в школу и на работу.

Через три дня Павел сделал Веселине предложение, точнее Валентине Михайловне. Так она звалась в мире людей.

Перед тем у них состоялся разговор, на котором присутствовал и Анатолий.

Павел молча слушал укороченную версию их злоключений, заинтересовавшись лишь той частью, где раскрывалась сущность и некоторые способности. Толя напомнил историю их знакомства, пояснив причину возгорания комнаты в заброшенном доме, а также продемонстрировал пару других безобидных фокусов.

Веселина к концу разговора настолько вымоталась от переживаний, что уже боялась смотреть в сторону Павла.

– Прости. Мы, наверное, кажемся сумасшедшими, – пробормотала она. – Если наши откровения претят тебе, то нам придётся расстаться, но перед этим Толя сотрёт твои воспоминания о нас в целях безопасности.

После её слов в комнате воцарилась тишина. Веселина с Толей напряглись, настороженно наблюдая за реакцией Павла. Тот сидел, опустив голову, потом внезапно хлопнул руками по коленкам и встал.

– Ну вы даёте! – расхохотался он. – Я-то думал здесь криминал какой-то замешан. Подумаешь, магия! – Увидев их изумлённые лица, мужчина озорно склонил голову. – Я давно понял, что Толя непростой малый.

– Тебя это не пугает? – спросила «берегиня».

– Нет. Хотя над самообладанием с парнем надо поработать, с таким даром немудрено в неприятности влипнуть.

– Ура! – завопил Толя. – Значит, ты согласен жить с нами?

– По-моему, я первый спросил об этом, – подмигнул ему Павел. – Но при одном условии. Веселина с Толей с интересом уставились на него.

– Женимся здесь и уезжаем в какой-нибудь провинциальный городок, где нас никто не знает. Пусть окружающие считают нас настоящими родителями. Так будет легче спрятать вас на некоторое время. – Павел ткнул пальцем в сторону Толи: – Кроме того, ты перестанешь бесконтрольно пользоваться магией.

– Но она накапливается. Её иногда нужно сбрасывать, – виновато пробормотал парнишка.

– Будем с тобой бродить по окрестным лесам, не привлекая внимания, учиться контролю и самообладанию. Согласны?

Слушатели дружно закивали. Толя почувствовал, как Веселина мысленно выдохнула, и радостно заулыбался.

Их жизнь, словно старый поезд, сделала резкий поворот и, заскрежетав тормозами, с лязгом и скрипом остановилась на небольшой станции затерянного на просторах страны городишки.

Глава 5

Три с лишним года длилось их счастье. То время всегда вспоминалось ярким, наполненным светом и теплом, словно не было проблем, ненастных дней и болезней.

Обычная жизнь, новые друзья в школе, тайные уроки с отцом, успехи в спорте. Толе казалось, что он самый обычный мальчишка. Прошлое отошло на второй план, уступив место новым ощущениям, пристрастиям, мыслям.

Он так расслабился, что пропустил удар. Не заметил. Не насторожился. Не считал противника. В результате проиграл, дорого заплатив за свою ошибку.

Когда «ищейка» вышел на него, неизвестно. Как долго подбирался к их семье – тоже. Теперь никто не сможет рассказать: каким образом Павел оказался с тем человеком один на один в незнакомой квартире.

Из того, что Толя позднее увидел на месте происшествия, сложилась неоднозначная картинка.

Перед глазами всплыл дрожащий в воздухе энергетический мираж. Отец стоял напротив неприметного человечка в сером пальто. Худое лицо, впалые щёки, прилизанные волосы с залысинами по бокам. Незнакомец напоминал собаку-ищейку, даже временами дёргал длинным носом, словно принюхивался.

Человек сердился и быстро говорил, убеждая Павла. Тот молча слушал и теребил ворот рубахи, за которым виднелся тонкий, тёмный шнурок.

Толя вспомнил: по приезду в город он смастерил для приёмных родителей обереги, взяв с них обещание воспользоваться ими лишь в крайнем случае для защиты жизни.

Мираж снова дрогнул и стал бледнее. Серый человечек угрожающе наступал на отца. Жаль, что энергетическое поле не сохраняет звуки, только изображение. Толе хотелось услышать слова «ищейки».

Павел бросил в ответ несколько фраз, потом ещё пару слов. Затем кивнул, словно сделал вывод, и быстро заговорил, приближаясь к собеседнику. Подойдя вплотную, отец одной рукой резко схватил «ищейку» за ворот пальто, а второй – дёрнул шнурок с оберегом.

Толя успел увидеть испуганное лицо серого человечка перед тем, как Павел раздавил подарок в руке. В глаза ударила яркая вспышка. Две фигуры, объятые пламенем, несколько раз встрепенулись, взмыв в воздух, и упали, словно тряпичные куклы.

Мираж снова задрожал, бледнея и теряя резкость. Толя старался запомнить все детали, до боли в глазах глядя в место происшествия. Через пару минут видение дрогнуло и бесшумно лопнуло, как мыльный пузырь, не оставив ни следа.

Это случилось в седьмом классе. Толе тогда показалось, что он постарел на целый век. То была его вина.

После анализа случившегося напрашивался лишь один вывод: «ищейки» способны видеть эмоциональные связи магов с обычными людьми. Они очень тонкие, почти незаметные, но по ним его можно выследить. Толя решил не связывать себя ни с кем подобной нитью. Однако от очередного переезда, предложенного Веселиной, отказался.

Во-первых, Павел говорил: «Хватит бегать. Учись защищаться. Совершенствуй обережную магию. Думай. Будь на шаг впереди соперника».

Во-вторых, у Толи появилась ещё одна причина, из-за которой не хотелось уезжать. Её звали Лада. Светловолосая девчонка со своенравным характером. Закадычная подруга и сообщник, идейный вдохновитель и защитница слабых, смело бросающая вызов всем неприятностям. Порой даже тем, что сама создала.

Глава 6

Толя моргнул, стряхивая нахлынувшую печаль, и снова посмотрел на сидящую рядом девушку.

Она была пьяна, бормотала о том, как хочется улететь в это бескрайнее, глубокое, чёрное небо и встретить там родителей и брата Юрку. Ей не терпелось обнять их и извиниться за то, что поддалась на уговоры бабушки: пошла на дурацкий вечер встреч и теперь безмерно счастлива, хотя не заслуживает такой радости.

«Глупая, – мелькнуло у него. – Кто, если не ты, заслужил покоя?»

– Лада, они всё знают и никогда бы не укорили тебя. – Толя по-дружески обнял её за плечи и почувствовал, что девушка замёрзла. Сняв пиджак, он накинул его на Ладу и продолжил: – Помнишь, баба Дуся говорила: «Не вини себя в том, что не совершала, а если чувствуешь вину за прошлое, живи в настоящем так, чтобы душа успокоилась». – Толя слегка похлопал Ладу по плечу. – Если будешь заставлять себя нести эту ношу дальше, то сломаешься на полпути.

– Я уже и так поломанная, – невесело улыбнулась в ответ Лада. – Тебе ли не знать? Но я не жалею, – спохватившись, выпалила она, заглянув Толе в глаза.

Он от неожиданности отпрянул.

– Ого! – удивлённо выдохнула девушка. – Знаешь, иногда твои глаза такие странные, – Лада придвинулась ближе и уставилась прямо на него.

– Что не так? – голос от смущения дрогнул.

– Порой мне кажется: они меняют цвет. Становятся такими, – она замолчала, подбирая слова, – золотыми что ли или, нет – янтарными.

Толя нахмурился и чертыхнулся про себя: «Надо лучше себя контролировать».

Слава богу, Лада уже отвлеклась.

– В деревне здорово было. Помнишь? – Она немного расслабилась и мечтательно улыбнулась. – Спокойно, тихо. Баба Дуся такой вредной сначала казалась, а потом столько всего интересного рассказывала. Жаль, что между ними с бабушкой какая-то кошка пробежала, и мы перестали туда ездить. – Лада задумчиво вздохнула.

«Почему она вспомнила сейчас ту поездку?» – Толя украдкой покосился на подругу. Те дни действительно были самыми счастливыми, хотя поводом послужило печальное событие.

Толя зажмурился, вспоминая то лето.

В городе стояла небывалая для августа жара. Над раскалённым асфальтом дрожало марево. Зелень пожухла. По пустынным улицам кружила сухая пыль. Птицы и животные попрятались в тень.

Стояла такая тишь, словно город вымер. Занавешенные от палящего солнца окна только усиливали ощущение заброшенности. Люди ранним утром бежали на работу, а вечером торопились домой, стараясь не задерживаться снаружи.

Лишь к ночи температура чуть-чуть снижалась. Тогда на улицах появлялись редкие горожане, в основном молодёжь.

В один из таких жарких дней к Валентине Михайловне заглянула Алевтина, бабушка Лады.

Они знали друг друга давно: жили в соседних домах, дети дружили и учились в одном классе, однако в гости не ходили. Кроме того, Алевтина, не отличавшаяся робостью, выглядела растерянной и поникшей. Тем необычной был её визит.

– Что случилось? – кинулась к гостье Валентина Михайловна. – Проходите. Не стойте на пороге. – Она подхватила Алевтину под руку и увлекла за собой на кухню, усадив на подставленный Толей табурет.

– Простите, – пробормотала гостья. – Я не знаю с чего начать. – Она чуть нахмурилась, собираясь с мыслями, и, подняв взгляд на хозяйку, уточнила: – Это касается Лады.

– Что с ней? – Толя чуть подался вперёд. – В больнице ей стало хуже?

– Нет. Не переживай, – успокоила его Алевтина. – Готовят к выписке завтра. Врач сказал: тело они вылечили, но душе требуется реабилитация, – она горько усмехнулась. – Предложил увезти пока Ладу из города.

Гостья решительно выдохнула, словно наконец приняла решение, и уже в своей обычной манере быстро и чётко изложила свою просьбу.

Сейчас ещё только начало августа, в институте нужно появиться лишь на третьей неделе сентября, поэтому Алевтина решила увезти Ладу в деревню на месяц, но хотела, чтобы Толя поехал с ними.

– Понимаешь, – объяснила она, – ты её единственный друг, ровесник. Ладе с тобой комфортно. – Гостья на секунду замолчала, словно споткнулась, потом тихо продолжила: – А я в последнее время не могу до неё достучаться. Стучу, стучу, всё без толку. Не слышит. Не реагирует.

– Конечно, – кивнул Толя, – я поеду. Когда?

– Завтра. Заберём Ладу из больницы и сразу поедem. Машину я уже заказала. Спасибо тебе.

Толя открыл глаза и снова посмотрел на девичий профиль в свете луны.

Перед его глазами всплыло белое, безжизненное лицо восемнадцатилетней Лады. Пустой взгляд, поникшие плечи, спутанные от долгого лежания волосы, напоминающие солому. Заторможенность, апатия и абсолютное равнодушие ко всему происходящему.

Он помнил, как испугался тогда в больнице: до дрожи в коленях, до темноты в глазах. Захотелось высвободить всю свою силу и стереть из её памяти ужасные события гибели родителей и брата. Его остановил только страх за Ладу. Несколько лет назад погиб отец. Толя сомневался в своих силах. Он отчаянно боялся того, что может потерять её, как и Павла, связав себя с подругой сильной энергетической нитью. Поэтому мучался вместе с ней, стараясь быть рядом в сложный период.

Глава 7

Память магов – это хранилище большого количества информации. Каждый сам создаёт иллюзию, упрощающую её хранение, поиск и обработку. Если подобного не сделать, можно свихнуться.

Толя представлял себя владельцем огромной библиотеки: приглушённое освещение, ровные ряды высоких стеллажей, аккуратные шкафчики с каталогами, где всё структурировано по годам, людям, событиям или другим общим признакам.

Даже сейчас, сидя на крыше школы и любуясь сверкающим фейерверком, он одновременно шёл по лабиринту иллюзорной библиотеки.

Взгляд перебегал от полки к полке. Иногда он проводил пальцем по запылившимся корешкам книг. Хлоп! В руки упал фотоальбом с надписью: «Лето в деревне».

Толя смахнул с обложки невидимую паутину заклинания и открыл первую страницу, с которой пахло свежескошенной травой и нагретой на солнце древесиной.

Первую неделю Толе казалось, что он бьётся в обледеневшее окно, словно замёрзшая птица. Лада с утра до вечера молча сидела в любимом дедовском кресле-качалке, поджав ноги. Девушка отрешённо смотрела перед собой невидящим взглядом, ела на автомате, двигалась, словно в полусне.

Толя понимал её состояние. После смерти Павла он также замкнулся и отгородился от всего мира: перестал ходить в школу, появляться на улице, даже разговаривать с Веселиной не хотелось. Только Лада своей настойчивостью смогла вытащить его тогда.

Теперь Толя хотел помочь выкарабкаться подруге из глубокой ямы депрессии.

Однажды утром он взял её за руку, отвёл в лес и усадил на небольшой полянке, залитой солнечным светом. Расположившись неподалёку, Толя закрыл глаза и мысленно поприветствовал лес.

Деревья тут же зашумели в ответ. Настроившись на энергетику местности, он привлёк на поляну несколько зайцев, белок, ежей и стайку щебечущих птиц. Звери недоуменно поднимали уши, настороженно принимались, но не убегали.

Самые смелые белки уселись напротив Лады, ожидая гостинца. Ресницы девушки дрогнули. Она, словно очнувшись от сна, огляделась по сторонам, увидев окруживших её рыжих бельчат, а за ними пару ежей, фыркающих в траве, удивлённо подняла брови.

Толя чуть натянул энергетическую, звериную приманку, и несколько пушистых зайчат выпрыгнуло из-под ближайших кустов. Они принялись носиться вокруг, забавно выбрасывая вперёд длинные, задние лапы.

Лада, конечно, не захлопала в ладоши от восторга, но тогда Толя почувствовал: лёд тронулся.

С того дня он каждое утро уводил подругу в лес и устраивал подобные представления. Правда один раз не рассчитал силы: на зов пришла стая волков. Пришлось срочно ставить заслон и, схватив Ладу, бежать.

Его усилия не пропали даром: через неделю девушка оттаяла, начала улыбаться и возвращаться к нормальной жизни.

– Ты часом не маг? – хрипло бросила ему тогда баба Дуся, соседка Алевтины.

Толя невесело ухмыльнулся, вспомнив её.

Евдокия. Она сразу стала его головной болью.

Как только он увидел старуху, испытал шок и мгновенно «закрылся». Раньше Толя не встречал людей с такой сильной магией. «Ищейки» не в счёт. Обычно они обладали способностями значительно ниже среднего. Толя давно научился скрываться от них. Веселина же свой ресурс почти исчерпала.

От Евдокии исходила мощная, силовая волна нескрываемой магии. Кроме того, некоторые жители деревни тоже «светились», связанные астральными нитями.

Первое время Толе требовалось прикладывать усилия, чтобы оставаться незамеченным. Настроив защитное поле, он стал с интересом изучать соседей Алевтины.

Однако полностью провести Евдокию не получилось. Старуха подозрительно рассматривала его при каждой встрече, словно чуяла неладное.

– Зверья в окрестностях набежало, – жаловалась она соседке. – Как бы в огородах не набезобразничали. С чего вдруг напасть такая? – спрашивала Евдокия, косясь в сторону Толи.

– Представляешь, ведро в колодце уж недели две как утопло, а сегодня, глядь, на месте стоит, – в другой раз удивлялась она. – Калитку кто-то у Егоровны ночью наладил. У Михалыча, хрыча дряхлого, крышу залатали, – скрипела старуха. – Никак «лесной дух» в деревню наведаться решил. Или может другой какой помощник объявился? – хитро зыркала она в Толину сторону.

Но тот притворился, что не понял намёков.

– Кто такой «лесной дух»? – поинтересовался он однажды у бабушки Лады.

– Местная легенда, типа защитника, который появляется в трудные времена и помогает справиться с трудностями.

– Как он выглядит?

– Никто его не видел, – ухмыльнулась Алевтина. – Байки это всё.

Толя понимающе улыбнулся. Однако подумал, что в такой необычной деревне может случиться всякое, поэтому начал потихоньку собирать сведения.

Во время прогулок с Ладой он знакомился с местными жителями, расспрашивал об истории деревни. Так Толя впервые услышал легенду о серебристой рыси. Однако многие сходились во мнении: если таковая водилась в здешних местах, то давно покинула их.

Как ни странно, окрестности влияли на него удивительным образом. Возможно, из-за магии, разлитой в воздухе. Толя чувствовал, что она копилась здесь долгое время. Его сила клокотала внутри, почуяв свободу. Приходилось прикладывать немало усилий, чтобы её контролировать.

Ночами Толя подолгу бродил среди ближайших возвышенностей, заросших лесом. Ему требовалась разрядка вдали от любопытных глаз.

Здесь всё было не так, как в пригородных лесопосадках и парках. Там деревья едва реагировали на его призыв, словно ленивые, неповоротливые великаны, уснувшие тяжёлым сном. Звери и птицы отзывались быстрее и охотнее, но подходить опасались. Видимо, городская жизнь накладывает свой отпечаток на окружающую флору и фауну.

Здесь же осинки трепетно тянули к нему свои тонкие ветки, белоснежные берёзы смущённо поглядывали на незнакомца, прикрываясь зелёными косами. Величественные ели и сосны важно кивали мохнатыми макушками в знак приветствия. Местные звери тоже были активнее и дружелюбнее. Толя чувствовал себя настолько спокойно, словно родился здесь.

Однажды он сидел на берегу реки и любовался полнолунием. Небо, усыпанное звёздами, казалось глубоким и чистым, как океан. Оно тоже было здесь другим.

В городе небо почти не видно за светом уличных фонарей. Звёздная россыпь блёклая и тусклая. Обычно Толя ждал полуночи, когда коммунальщики выключают городское освещение в целях экономии. Тогда улицы погружаются во тьму, и небо выходит на авансцену.

В деревне старые, фонарные столбы стояли без ламп лет пятьдесят, если не больше. За околицей ночью – хоть глаз выколи. Поэтому ты погружаешься в темноту, словно ныряешь в реку. Она обволакивает, окутывает, обостряя все чувства, приближая к себе на расстояние вытянутой руки.

Толя улёгся на прибрежную траву и прислушался к журчанию речного течения. Иногда тишину нарушал тихий плеск какой-нибудь шустрой рыбёшки. Издалека казалось, что река впадает в небесный океан.

Огромная луна слегка дрожала, окутанная серебристым сиянием. Она притягивала взгляд, манила, словно гипнотизируя.

Голова закружилась от её света, к горлу подступил комок. Толе казалось, что он в самолёте, который попал в зону турбулентности. В какой-то момент почудилось: его затягивает белёсая, слепящая бездна. Он зажмурился и ухватился за землю, пытаясь найти опору.

Уши сначала заложило, потом голова заполнилась гулом: низким, вибрационным. Где-то за ним, на заднем фоне слышались невнятные голоса, шум волн, шелест невидимых трав. Затем донёсся приближающийся топот, словно тысячеголовый табун нёсся во весь опор, наслаждаясь свободой и ночным бризом, запутавшимся в гривах.

Толя вспомнил, как явно он представил себе тогда этот несущийся конный поток. Ему отчаянно захотелось остановить хотя бы одного скакуна. Толя раскрутил воображаемое лассо и закинул его, как невод, в глубоководное небо. Затем мысленно натянул верёвку и потянул...

Конное ржание раздалось совсем рядом. Лицо обдало тёплым дыханием животного. От неожиданности Толя открыл глаза и уставился на невесть откуда взявшегося вороного коня.

Скакун удивлённо косился на человека, перебирая тонкими, длинными ногами. Ухоженные бока вздымались, кожа лоснилась в лунном свете. Расчёсанная кем-то грива ниспадала чёрными волнами, едва не доставая земли.

– Это сон, – подумал Толя.

– Ты кто? – почти одновременно пронеслось у него в голове.

Толя ошарашенно уставился на коня.

– Ты маг? Ты вызвал меня? – лошадиные тёмно-золотые глаза смотрели в упор.

– Сам не пойму, – также мысленно ответил Толя.

– Раз вызвал – буду служить тебе, – настроение коня явно ухудшилось.

– Почему?

– Таковы правила, – снова удивился скакун. – Кто смог позвать призрачного коня, тому он обязан служить.

– Часто такое случается?

– На моей памяти – ни разу. Но я молод ещё, всего тысячу лет живу.

– Ого! – поразился Толя. – Где водятся призрачные кони?

– Ты маг или нет? – насторожился скакун. – Элементарного не знаешь. Что за вопросы?

– Маг, – кивнул Толя, – только живу в мире людей.

– Так ты меня в другой мир выгацил? – Конь возмущённо забил копытами, глаза сверкнули огненным золотом.

– Не злись, пожалуйста. Я случайно.

Скакун встал как вкопанный.

– В смысле: ты маг, который даже не знает силу своей магии? Ты представляешь, что значит вызвать призрачного коня в другой мир?

Толя замотал головой.

– Нас просто так-то позвать сложно, вернее, почти невозможно, но чтобы через лунные врата... Такого не припомню, – скакун тряхнул головой. – Повезло мне, – в голосе коня послышалась ирония, – буду служить уникаму.

– Ты откуда?

– Из Хвангура.

– Издалека я тебя выдернул, – мысленно присвистнул Толя. – Может, будем дружить?

– Ты – хозяин, тебе решать, – спокойно склонился перед ним конь.

– Не хочу так. Давай на равных. Мне есть чему у тебя поучиться, тысячелетний.

– Время покажет. А пока забирайся, осмотрим окрестности.

Это было неопишное, окрыляющее чувство полёта. Эйфория.

Конь имел невероятное чутьё и передвигался со скоростью птицы. Порой казалось, что скакун исчезает в одной точке и материализуется в другой. Глаз не улавливал перемещения на такой скорости.

С той встречи они общались каждую ночь.

– Как тебя зовут?

– У призрачных нет имён, – фыркнул конь. – С кем нам разговаривать?

– Я буду звать тебя Гром.

Скакун скосил золотые глаза в недоумении.

– Когда ты бежишь, то похож на приближающуюся грозовую тучу, – пояснил Толя. – Гром подходит.

Конь на мгновение задумался, после чего радостно заржал. Он стал первым призрачным скакуном, имеющим собственное имя.

Толя сожалел, что нельзя познакомить Грома с Ладой. Тем более сейчас, когда появилась веская причина использовать чутьё и мудрость призрачного коня.

Глава 8

Реальность внезапно дрогнула, словно от резкого подземного толчка. Лунный свет на мгновение потускнел, затем луна засияла как прежде.

Сердце непроизвольно ёкнуло: «Всё. Пора».

Фейерверк давно погас, но Лада до сих пор задумчиво рассматривала небо, по привычке поджав под себя ноги. Энергетического всплеска она не ощутила, поэтому не забеспокоилась.

Толя решительно встал.

– Ты куда? – Тут же встрепенулась девушка.

– Я отойду ненадолго. – Он заговорщически подмигнул ей и улыбнулся. – Сиди тут и никуда не уходи.

– Хорошо. Иди. – Лада отмахнулась от него и снова уставилась куда-то наверх.

Толя отступил на несколько шагов, делая вид, что уходит, затем тихо обернулся и встал у Лады за спиной.

Он много раз представлял себе этот момент. Мысленно тренируясь, чтобы не дрогнуть и не испортить тонкую материю заклинаний. Ему казалось: он готов. Однако сейчас, глядя в спину девушки, Толя запаниковал.

Пальцы подрагивали от напряжения, внутри него боролись сожаление, страх и долг. Время неумолимо отсчитывало последние минуты. Толя физически ощущал, как песчинки прошлого утекают сквозь узкое временное горлышко.

Он осознавал, что останется один в мире людей, отдалившись от единственного друга, но в последние дни над городом нависли магические тучи, вокруг стало слишком много «ищеек». Как ни старался Толя над защитными заклинаниями, полной уверенности в них не было. Значит, Лада становилась уязвимой мишенью. Допустить ещё одной ошибки он не мог.

Толя, сжав кулаки, зажмурился и начал приводить сознание в состояние боевой готовности, как любил говорить Павел. Уже через минуту его тёмно-янтарный взгляд сосредоточился на девичьей макушке. Выставив руки перед собой, Толя сложил из пальцев первый заклинительный символ.

Он всё продумал заранее, создавая целую серию защитных магических барьеров. Каждый имел свою функцию.

Сначала необходимо заклинание выборочного забвения, пожалуй, самое сложное из всех создаваемых им ранее. Лада должна забыть всё, что связано с их дружбой. Толя останется в её памяти, как обычный одноклассник.

Трагедию с родителями и братом он тоже решил убрать подальше в глубину сознания, избавляя девушку от угрызений совести, освобождая путь к возрождению.

Все воспоминания, связанные со спрятанными событиями, превращались в незначительные и также уходили на край сознания.

Он уже проделывал нечто подобное в деревне бабушки Алевтины, но усовершенствовал с тех пор.

Затем следовало поставить защитный барьер, скрывающий первое заклинание от нечаянных глаз.

Третий заслон, сигнальный, нужен был самому Толе: он предупредит его, если какой-либо маг окажется возле Лады.

Руки устали от магических символов. Толя обессиленно опустил их и тяжело выдохнул. Лада, услышав, обернулась.

– Что случилось? – окликнула она его.

– Пора идти. Поздно уже.

Девушка легко вскочила, чуть пошатнувшись от выпитого, и подошла ближе, снимая с плеч пиджак.

Толя с усилием заставил себя посмотреть ей прямо в глаза.

– Вот! – вскрикнула Лада. – Твои глаза снова..., – договорить она не успела.

– Прости, – выдохнул Толя и резким ударом ладони обрубил энергетическую нить над её головой.

Девушка обмякла и начала оседать: Толя успел подхватить её.

«Всё, – вспыхнуло в голове, словно сигнальная табличка „выход“. – Всё закончилось. Хотя нет, осталось ещё одно заклинание».

Толя усадил Ладу на брошенный кем-то ящик, прислонил к стене и укрыл пиджаком. Затем подошёл к краю крыши. Окинув взглядом город, он широко расставил руки, потом быстро свёл их вместе и резко оттолкнул от себя магическую волну. Она побежала в разные стороны, стирая на своём пути воспоминания людей, связанные с ним. Остались лишь смутные сведения, весьма поверхностные и расплывчатые.

«Вот теперь всё!» – удовлетворённо выдохнул Толя.

– Я упала? – раздался за спиной растерянный голос Лады.

Толя тряхнул головой, пряча янтарный взгляд за дымчато-серой завесой, развернулся и с ехидной улыбкой бросил:

– Ну ты, Ладка, даёшь! На кой чёрт тебя на крышу понесло?

– Не помню, – испуганно забормотала девушка.

– Пошли-ка домой. Бабушка тебя потеряла уже. – Толя подхватил её под руку и потащил за собой.

Чуть позже, отдавая Ладу в руки Алевтины, он сказал им обеим:

– Я уеду на некоторое время.

– В командировку? – уточнила бабушка.

– Скорее на курсы повышения квалификации, – невесело хмыкнул он.

– Хорошо, – кивнула женщина. – С твоими способностями надо вперёд двигаться.

– Спасибо. Берегите себя. – Толя махнул им рукой и побежал вниз, перепрыгивая через несколько ступеней сразу.

На улице он прислонился к кирпичной стене, переводя дух: «Я всё сделал правильно. Я уверен». Но разливающаяся внутри пустота тревожила, вселяя неуверенность.

«Стоп, – приказал он сам себе. – Мысли прочь. Сейчас нужно сосредоточиться на другом, гораздо более важном и опасном».

Толя развернулся спиной к дому Лады и уверенно зашагал по улице, не оглядываясь.

Часть 2

Глава 1

– Как ты собрался провернуть это? – Призрачный конь перебирал ногами от возмущения. – Ты не понял, о чём я вещал ранее?

– Слышал я, – проворчал Толя. – Не верю. Там, где есть выход, всегда должен быть вход. Понимаешь?

– Нет, – искренне недоумевал Гром.

– Смотри, ты же можешь переходить из мира в мир. «Ищейки» – тоже. Значит, способ есть, только надо его найти.

– Я не человек, а «ищейкам» открывают специальный портал. Высшие маги согласовывают каждый проход. Любое другое несанкционированное проникновение отслеживается хранителями.

– Оборотни же ходят.

– Только в перевёрнутом виде. Знаешь, сколько их тут поубивали в тёмные века?

– Чёрт! Никакой помощи от тебя. Один жалобный пессимизм. – Толя махнул рукой и обиженно уселся у погасшего костра.

Вот уже несколько дней он бродил по окрестным лесам после того, как призрачный конь показал ему пещеру под водопадом. В ней находился запечатанный портал. На стенах светились защитные руны, предупреждающие о наказании за его открытие с любой стороны.

Толя понимал: Гром прав. Воспользоваться порталом открыто нельзя. Вход через лунные врата тоже не годился. Судя по рассказам коня, им могут пользоваться только призрачные сущности тёмного мира да и то при наличии кучи условий. Недаром Гром удивился тому, что Толя так легко смог протащить его через них.

Надо искать другой способ.

– Если подумать: ты необычный маг. – Конь покосился на хозяина. – Сможешь обратиться?

– Смогу, – кивнул Толя.

– Что ж мы тогда голову ломаем? – возмущённо фыркнул скакун.

– «Берегиня» сказала: первый раз обернуться зверем лучше в том мире. – Толя снова встал и нервно заходил туда-сюда. – Иначе здесь я могу с непривычки застрять в звериной шкуре, растерять энергию и не вернуть человеческий облик обратно.

– Риск велик, – Гром громко фыркнул, теперь уже с сожалением.

– Нужно снова сходить в пещеру. Что-то я упускаю. – Толя нахмурился.

– Если мы будем туда так часто бегать, тебя скоро обнаружат. Или «ищейки», или местные хранители.

Толя продолжал задумчиво хмурить лоб, забыв о самоконтроле. Его глаза сверкали янтарным огнём, отчего он походил на мечущегося в клетке хищника.

– Думаешь, если обманул Евдокию в прошлый раз, то сейчас можно не прятаться? – бросил призрачный конь. – Она сильная ведунья. Мы на её территории. Будешь так зыркать – вмиг нас найдёт.

Толя остановился и закрыл глаза. Сосредоточившись, взял под контроль силу и заставил себя успокоиться.

– Ты прав. Расслабился, – сказал он. Его взгляд снова затянулся зеркально-серой дымкой, скрывающей магическую сущность.

Внезапно над их головами захлопали крылья. Большой, чёрный ворон слетел с верхушки высокой сосны и опустился неподалёку. Покосившись на человека, птица деловито зашагала к шалашу.

Толя с Громом удивлённо переглянулись. Ворон, как ни в чём не бывало, зашёл в укрытие. Оттуда послышался шум упавшего котелка.

– Чёрт! – Толя бросился к шалашу. – Похоже, продукты ворует. Стой! – крикнул он выбегающей птице, держащей в клюве кусок копчёного мяса.

Ворон тяжело перебирал лапами, но взлететь с такой ношей не мог. Однако птица не собиралась сдаваться по собственной воле.

Толя бежал следом, но как только достигал вора и протягивал руку, чтобы схватить его за хвост, тот резко бросался в сторону. Преследователь кубарем валился на траву, чертыхался и снова пускался вдогонку.

Наконец, отдалившись на безопасное расстояние, ворон выплюнул мясо из клюва и схватил его обеими лапами. Чёрные бусинки глаз довольно сверкнули. Птица взмахнула крыльями и начала взлетать.

– Ах, ты, гад! – Толя, разозлившись, в три огромных прыжка преодолел расстояние до ворона и успел схватить самодовольную птицу за хвост, выдрвав пару перьев.

Чёрный воришка возмущённо заорал и грохнулся на поляну. Кусок мяса взметнулся вверх и упал точно в руки хозяина.

– Вот же невезуха! – послышалось из травы. – Почти получилось, если бы не этот недомаг.

Толя закрутил головой, пытаясь определить источник звука. Но на поляне были лишь он, призрачный конь да пернатый воришка.

– Жадина. Мяса, видите ли, ему жаль, – продолжал невидимый ворчун.

Гром тихо кружил по поляне, постепенно сужая круги, чутко прислушиваясь к незнакомому, хриплому голосу

– Стой, где стоишь, – вдруг резко гаркнул неизвестный.

Толя лишь успел заметить краем глаза, как чёрная тень коня метнулась к ворону. Копыта с грохотом опустились на то место, где совсем недавно лежала поверженная птица. Однако ворон не только успел увернуться от удара, но и взлететь в один миг. С сердитым клёкотом он бросился на скакуна и начал долбить Грома по макушке огромным клювом.

Конь бешено вращал глазами, из которых летели огненные искры, из ноздрей валил пар.

Запахло палёными перьями, но птица не собиралась сдаваться. Поляна наполнилась топотом, карканьем и дымом.

– Стоп! – крикнул Толя и хлопнул в ладоши.

Реальность в пределах поляны замерла. Он подошёл вплотную к застывшим соперникам, по пути отодвинув зависшую в воздухе пчелу.

– Кто ты такой? – Толя с интересом уставился на потрёпанного ворона.

Тот лишь вращал глазами-бусинами, не в силах сдвинуться с места.

Для лесной птицы он был великоват. Чёрные перья отливали синевой, на голове кое-где проглядывали белёсые пушинки, словно седина на висках.

– А это что за вещица? – Толя потянулся к вороньей лапе, на которой блеснуло золотое кольцо. – Тоже стащил у кого-то?

Он уже почти дотронулся до него, как в голове чётко прозвенело:

– Не тронь, худо будет.

Толя удивлённо поднял одну бровь и уставился на ворона.

– Значит, ты у нас говорящий. Как я сразу не понял?

– Говорю же, недомаг, – ехидно проскрежетал в голове знакомый голос.

– Смеёшься? – Толя снова потянулся к кольцу. – Посмотрим, кто будет смеяться последним.

– Лучше не трогай.

Толя ещё раз окинул взглядом застывших соперников, хмыкнул и щёлкнул пальцами. Реальность ожила: зашелестела трава, пчела, недовольно жужжа, полетела дальше по своим мохнатым делам.

Ворон снова грохнулся на землю. Гром встал на дыбы и возмущённо заржал на весь лес.

– Будете драться: снова заморожу, – буркнул Толя противникам, вставшим друг напротив друга.

Ворон сделал вид, что поправляет перья, приглаживая их клювом.

– Давай рассказывай. – Анатолий уселся в траву, чуть откинувшись назад. Он вдруг почувствовал, что устал.

Стоял погожий денёк. Один из тех, когда приятно тепло: ветерок чуть колышет листву на деревьях, и всё вокруг погружено в ленивую истому. Облака еле ползут по небу. Птицы не поют, а лишь изредка устраивают переключку. Даже жуков и мух не видно: им лень взлетать.

Толя аккуратно сорвал травинку, по которой ползла божья коровка. Яркий, кожистый панцирь слегка подрагивал. При других обстоятельствах она бы уже взлетела, как только человек потревожил её покой, но не сегодня. На полпути жук замер, втянув голову, словно черепаха. Толя подул на божью коровку, пытаясь сдвинуть с места, но она упиралась.

– Чёрт с тобой, – шепнул он жуку и отбросил травинку подальше от себя. Затем лёг на спину и уставился в небо.

Солнце уже клонилось к горизонту. Оно, устав за день, присело на ближайшую гору, словно старик, облокотившись на еловые верхушки. «Вот сейчас посидит на завалинке и отправится на боковую», – подумал Толя.

– Ты почему замолчал? – Возле его лица неожиданно появился вороний клюв. Ворон подкрался к нему и устроился сбоку.

– Ленишь. Не мешай.

– А я думал: ты сильно занят поисками портала, – птица хитро покосилась на него.

– Хочешь помочь? Говори. Нет? Тогда не мешай.

– Не слушай его. – Призрачный конь переминался с ноги на ногу, но близко не подходил. – Он же обманет – глазом не моргнёт.

Толя перевернулся на живот и уставился на птицу. Ворон спокойно встретился с ним взглядом.

Веселина научила своего подопечного через глаза заглядывать в душу. Сейчас перед Толей предстала человеческая душа. Покорёженная, искалеченная, но несломленная. От неё веяло такой силой, что хотелось прижаться и напиться, как из исцеляющей чаши.

– Ты ведь не птица. – Он первый отвёл взгляд.

Чёрные бусинки моргнули чуть удивлённо, потом в них снова загорелся сарказм.

– Ты тоже полон тайн, – хмыкнул ворон, – но суть эти обстоятельства не меняют.

– Хочешь помочь? Почему? Я уверен, ты прихвостень Евдокии. Она тебя подслала следить за порталом и сообщать ей?

– Вот же, – гневно фыркнул призрачный конь. – Я предупреждал: хранители не дремлют. Надо убираться отсюда поскорее. – Гром нервно заржал.

– Как вы уживаетесь? – презрительно бросил ворон. – Терпения ни на грош. Сколько тебе лет, тёмный призрак?

Из ноздрей Грома повалил пар, глаза начали наливаться огнём.

– Хватит, – резко прервал перепалку Толя. – Говори, пока я слушаю. – Он грозно зыркнул на птицу.

– Евдокия о вас не знает пока, – проскрипел обиженно ворон. – У меня на вас есть свои планы.

– Секреты от хозяйки? Интересно, – протянул конь.

– Она не хозяйка. – Перья на холке встали дыбом от возмущения. – Мы заключили сделку. В остальном вольны и независимы.

– Что ты хочешь взамен? – Толя напрягся, ожидая невозможного. Если ворон просит помощи у него, значит, ведунья не смогла помочь.

– Возьми меня с собой, – скороговоркой выпалила птица.

– Разве перевёртыши не могут ходить сами? – скакун замер от удивления.

Некоторое время конь задумчиво рассматривал пернатого соперника. Толя тоже молчал, обдумывая услышанное. Он пытался найти похожие случаи в библиотеке памяти, но пока безуспешно.

Наконец тысячетный изумлённо взбрыкнул, в его глазах блеснул золотой огонёк.

– Вижу: догадался, – прохрипел ворон, устало жмурясь. – Немудрено.

– Он не птица и не оборотень. – Конь нервно зашевелил ушами, косясь на хозяина.

– И не маг, – продолжил тот. – Остаётся только одно. Правда?

Толя снова встретился взглядом с чёрной птицей перед тем, как выдохнуть осенившую их с Громом догадку:

– Он человек.

Глаза-бусинки смотрели, не моргая. Человеческая душа сжалась в комочек внутри старого ворона. Печаль, прикрываемая сарказмом. Боль, спрятанная под цинизмом. Человек, заколдованный магом.

– Признаю, ты уникален, – прошептал призрачный конь. – Знаешь, – обернулся он к Толе, – это аномалия даже для Хвангура. По летописям последний раз человека заколдовывали ещё до Великой битвы.

– Польщён, – хмуро хмыкнул ворон. Потом чуть расправил крылья и уже в своей манере добавил: – Уж не хочешь ли ты преклонить предо мной копыта, тёмный призрак?

– Ещё чего, – тут же спохватился Гром. – Не дождёшься. Уникальность – не болезнь, аномалия – не сила. Мой хозяин покруче будет.

– Не скажешь: кто сотворил обратное заклятье? – наконец заговорил Толя.

Птица замотала головой.

– Так и знал. Кольцо, видимо, артефакт из того мира, – продолжал размышлять вслух Толя. – Трогать нельзя, поскольку магия на тебе завязана. Душа измотана, значит, давно заколдован. Евдокия знает, но помочь не может. Так ведь? – Он бросил быстрый взгляд на ворона.

Птица, склонив голову, смотрела на него с интересом.

– Имя хоть скажешь?

– Личное – нет. Евдокия зовёт Хей.

– Хей? Нет таких имён, – хохотнул конь. – Обманула тебя старуха. Поди просто кричит: «Эй, птица, лети туда, не знаю куда, найди то, не знаю что».

– Ах ты, призрак недоделанный, – ворон кинулся на скакуна. – Я сейчас глаза-то твои огненные выключу, будешь тёмным на все сто процентов.

Конь встал на дыбы, отмахиваясь от взбесившейся птицы. Потом с громким хохотом помчался по поляне, пытаясь стряхнуть со спины назойливого соперника.

– Что стар, что млад, – усмехнулся Толя, глядя на них.

Он пытался оценить ситуацию и проанализировать её последствия.

С одной стороны, ворон, похоже, знает, как открыть портал в обход наблюдателей. Значит, эту проблему можно считать решённой.

С другой стороны, человек внутри птицы явно скован особым заклятием. Скорее всего тёмным. Каким-бы хорошим он ни был раньше, ворон сейчас опасен. Неизвестно, в какой момент ждать подвоха. Но без него границу не пересечь, значит, придётся смириться, согласившись на его условие.

Толя наблюдал за свистопляской коня и птицы. Ворон явно куражился. Он мудрее, опытнее и морально сильнее скакуна. Тысячелетний, призрачный конь – всё равно что молодой отрок: силы много, задора хоть отбавляй, резвости куча, а вот мудрости и опыта пока маловато, да и с терпением трудности.

«Если бы ворон захотел, – вдруг подумал Толя, – тёмный призрак уже был бы развеян по ветру. Он с ним просто играет. Надо же!»

– Что же мне с тобою делать? – вслух произнёс Толя, глядя на победно ухмыляющегося ворона.

– Привяжи меня, – вдруг раздался хриплый голос в голове.

Чёрная птица отвернулась от соперника и упёрлась пристальным взглядом в Толю.

– Я не знаю, чем ты связан с хозяином. Маг, наложивший обратное заклятье, всегда на первом месте. Ты не сможешь противиться его воле.

– Могу, – уверенно произнёс ворон.

– Ценой жизни, – добавил Толя. – Хочешь стать жертвенной птицей?

– Если придётся, да.

– Хорошо, давай заключим сделку.

Ворон, забыв про Грома, тут же подлетел к Толе.

Чтобы быть к птице ближе, тот опустился на землю и протянул руку. Вороново крыло скользнуло меж пальцев. Чёрные перья оказались глянцевыми, прохладными на ощупь, но мягкими.

Немигающие бусинки глаз смотрели твёрдо. Провалившись в них, Толя не увидел ни тени сомнения. Душа словно успокоилась, приняв решение.

– Я клянусь помочь этому магу проникнуть в мир, где он был рождён.

– Взамен обязуюсь взять ворона с собой.

Рукопожатие стало крепче. В воздухе материализовалась яркая, тонкая, энергетическая нить, обвивающая руку и крыло.

– Однажды я попрошу тебя выполнить мою просьбу, не касающуюся магов, – продолжил Толя.

– Пообещай выполнить её любым способом, независимо от последствий.

– Что-то, не связанное с магией? – удивился ворон. – Касающееся человеческого мира?

– Да.

– Пожалуй, тогда это не будет противоречить магическим законам, и мне не придётся нарушать договор с хозяином. – Крыло в руке дрогнуло. – Обещаю.

Энергетическая нить, сделав три оборота, вспыхнула на мгновение и исчезла.

– Ох, не пожалеть бы нам, – вздохнул за их спинами призрачный конь.

Глава 2

Ночь тихо опустилась на горы, утопив в своей темноте каждый закоулок.

От горного ручья потянуло сыростью, из лесного мрака выполз туман и стал медленно подбираться к поляне, словно крадущийся зверь.

Ели глухо шумели, недовольно размахивая лапами, как сварливые старухи на рынке. Робкие осинки дрожали от ночного прохладного ветра, не решаясь вмешиваться в разговор старших. Они лишь несогласно качались из стороны в сторону.

Старый филин изредка ухал, прислушиваясь к недовольному ворчанию ёлок, да вращал огромными глазами от возмущения: «Вздорные бабы!» Наконец, не выдержав их трескотни, филин расправил крылья и перелетел поближе к поляне, любопытно пялясь на яркое пламя костра, горевшего под скалой. Возле него лежал человек. Закинув руки за голову, он смотрел вверх.

«Жаль, сегодня месяц, а не луна», – думал Толя. Он не знал, почему ночь ему нравится больше. Возможно, за тишину и покой. Суета его утомляла.

Вдруг вспомнилось: Лада любила закаты и рассветы. Порой жалела, что не может запечатлеть красоту природы в картинах или на фотографиях. Толя всегда поражался её умению находить прекрасное даже на серых, городских улицах.

Они как-то поспорили: без чего мир не смог бы существовать. Без луны или без солнца? Каждый приводил кучу аргументов, а когда они закончились, спор превратился в баталию тюками с сеном. Толя рассмеялся, вспомнив разгорячённое от возмущения лицо Лады, усыпанное сухой травой.

Всё решил её отец, услышавший их разговор.

– Разве можно разлучить луну и солнце? Они – две стороны одного целого. Как правая и левая рука, как лицевая и изнанка, как мама и папа... Понимаете? Без одного нет другого. Вы можете писать правой рукой, держать в ней ложку, но, чтобы играть в мяч или поднимать тяжести, нужны обе руки.

«Хороший мужик был, – подумал Толя. – Жаль: рано ушёл».

Он снова поднял глаза к небу, в который раз удивляясь, насколько оно здесь близко.

Звёзды, разбросанные чьей-то щедрой рукой, поблёскивали то тут, то там. Кое-где звёздная горстка казалась гуще, отчего свет образовывал белёсую дымку. Месяц, гордо выставив рог, уселся на тёмное облако, словно пастух, караулящий стадо.

«Было бы здорово: просто жить здесь, – подумал Толя. – Под этим огромным, перевёрнутым океаном над головой. Свободно дышать, не думая об опасности. Слушать птиц и болтать с деревьями вместо постоянных опасений попасться „ищейкам“. Размечтался», – тут же одёрнул он сам себя.

Вообще-то, ему надо было спланировать стратегию возвращения на родину, но ночь завораживала и убаюкивала. Тем более шумная парочка оставила его на некоторое время. Гром умчался в свой призрачный табун, а ворон полетел на доклад к Евдокии. Оставалось надеяться, что Хей действительно сохранит их появление в тайне от ведуньи.

Толе не хотелось связываться со старухой. Он не боялся её. Нет. Чувствовал: в случае необходимости его сила легко справится с её магией. Но что-то внутри него дрожало при каждой встрече с Евдокией, словно забытое воспоминание, скрытое в глубине сознания. Это насто- раживало.

Толя снова попытался сосредоточиться на завтрашнем дне. Сейчас, когда появилась возможность пересечь границу, он неожиданно растерялся.

Всю жизнь его учили бороться с трудностями, но ещё ни разу эта борьба не имела явного финала. И вот, наконец, завтра откроется портал. Страшно! Не потому что там опасно, а из-за... Толя даже сам себе не мог объяснить: откуда взялся страх.

Как всегда в редкие минуты сомнений он достал нательный талисман. Плоский, лунный камень размером с пятирублёвую монетку. Прохладный и шелковистый на ощупь. Веселина говорила: это подарок матери. Защитный артефакт.

На камне выгравировано священное древо Мира, растущее в обе стороны: тьмы и света. После разделения Ирия дерево раскололось, превратившись в священный кипарис, оставшийся на Хвангуре, и священную берёзу, растущую ему навстречу, в Березани.

Толя провёл пальцем по кресту Сварога, наложенному поверх изображения дерева, словно печать. Каждый раз, поглаживая талисман, он чувствовал, как мысли приходят в порядок, в голове проясняется, и возвращается уверенность.

Толя никогда не доставал его при посторонних, интуитивно пряча от чужих глаз. Только Веселина и Лада видели лунный камень, но в отличие от «берегини» подруга не знала его истории.

Как любой оберег, талисман нельзя было отнять у хозяина. Только он сам мог отдать его следующему избраннику. Никакой особой силы Толя в нём не ощущал, но иногда камень излучал живое тепло, словно домашний питомец, согревающий в трудные времена и холодные зимы.

Сейчас при свете луны оберег едва заметно мерцал. Месяц отражался от поверхности камня, казалось: внутри зажглась маленькая звёздочка. Грани креста Сварога, наоборот, потемнели, стали глубже.

Зачем мать оставила ему этот талисман? За всю жизнь он ни разу не проявил себя. Может быть, ещё не время?

Поглаживая оберег, Толя снова сосредоточился на предстоящем переходе. Первостепенной задачей являлось посещение деревни фей-хранительниц, откуда происходила Веселина. Там хранилась книга, оставленная ему родителями. Её содержание никто не видел, поскольку завещанный фолиант открывается только истинному хозяину.

Толя надеялся с помощью книги выяснить тайну своего рождения, а также усилить врождённую магию. В отличие от «берегини» его сила не таяла в зависимости от времени проживания в мире людей, однако он чувствовал, что находится в «режиме ожидания».

Кроме того, следовало попрактиковать обращение в звериную сущность, чего Толя не мог сделать раньше.

Дел предстояло сделать немного, но следовало помнить: визит на родину нужно сохранить в тайне. Пока Толя не разберётся, кто охотится за ним и почему, – открыто объявляться не стоит.

Он надеялся, что завещанная книга поможет решить вопросы, мучившие его с самого детства. Почему он не такой, как все? Зачем отец выслал его в другой мир? Кто охотится за ним? Почему он не помнит мать?

«Правильно сказал ворон, – вздохнул Толя. – Я недомаг. Поломанная игрушка судьбы. Но я выясню: кто сделал мою жизнь такой. Если понадобится, я встряхну тот мир, выверну наизнанку, чтобы докопаться до истины».

Толя крепко сжал оберег в руке.

Огонь в костре давно погас, лишь несколько неугомонных искр перебежали от уголька к угольку, присыпанных серой золой.

Месяц незаметно скатился за гору, забрав с собой своё звёздное стадо. Небо начинало светлеть.

Над поляной стояла предрассветная тишь: ни шороха, ни звука. Даже горный ручей притих, словно уснул, закутавшись в туманное одеяло.

Изнурённый ночными мыслями Толя не заметил, как провалился в сон.

Он открыл глаза.

Солнечный свет пробивался сквозь ветки дерева, кажущегося почти чёрным на фоне ярко-синего неба. Неподалёку щебетала незнакомая птица, листья хлопали в ладоши, приветствуя его. Свежий ветер играл в волосах. Он чувствовал на своей коже чьи-то лёгкие, невесомые прикосновения.

Ухо уловило тихий шёпот. Незнакомые слова, словно цветные ниточки, сплетались в витиеватые цепочки узоров. Они крутились перед глазами прежде, чем осесть в голове.

Не было ни одной мысли. Разум чист, словно белый лист. Нет эмоций, чувств, желаний, только ощущение свободы и чистоты.

Незнакомая вязь ложилась на этот белый лист, наполняя смыслом каждый знак. Любой вновь появляющийся завиток вспыхивал голубоватым светом.

Он зашевелился, пытаясь почувствовать своё тело, которое не слушалось. Ноги болтались где-то внизу. Руки замельтешили перед лицом, когда он поднял их, чтобы рассмотреть. В солнечном, слепящем свете промелькнули пухлые, маленькие ладошки. Из груди вырвался удивлённый, немного испуганный детский плач.

«Я родился!» – промелькнула первая робкая мысль.

Незнакомые слова стали обретать смысл.

Кто-то тихо напевал нежную мелодию, сливающуюся с дуновением ветра и шелестом листвы. Он повернул голову, успев увидеть краешек платья и женскую руку. Кожа персикового оттенка казалась прозрачно-матовой. На одном пальце блестело серебристое кольцо с плоским камнем, украшенным гравировкой дерева.

Тут же другая рука прикрыла ему глаза:

– Тихе-тише, малыш. Просто слушай.

Песня продолжала журчать, словно лесной ручей.

Голос струился, к его мелодичным переливам прислушивались даже птицы.

Внутри набухал какой-то тёплый ком. Он ворочался и щекотал, а когда песня стихла, вырвался наружу потоком горячих, безудержных детских слёз...

Тихо листья шуршат,
И летит, не спеша,
Моя песня к тебе навстречу.

Ветер гонит слова.
Загрустила душа.
Почему? Не проси. Не отвечу.

Древо, лист уронив
И меня не простив,
Отдалится, укрывшись завесой.

Силу света и тьмы
Ты, мой сын, заberi.
Жребий брошен велением сердца.

Знаю, жизненный путь

Будет труден и крут.
Никогда не вставай на колени!

Пусть нет рядом меня:
Лунный камень всегда
Оградит от бурь и метелей.

Ты меня не вини
И за слабость прости.
Древо знает мою печаль.

Мой малыш, мой малыш,
Сердцем маму услышь.
Я должна отступить. Прощай.

– Ты чего ревьешь? – испуганный голос вырвал Толю из сна.
Открыв глаза, он увидел склонившегося над ним Грома. Конь обеспокоенно вглядывался в лицо хозяина, кося то одним, то другим глазом.
– Отстань, – буркнул Толя. – Я спал вообще-то.
– Все маги так спят? – недоумевал скакун.
– Конечно. – Подлетел откуда ни возьмись ворон. – Заснут и давай оплакивать свою никчёмную, магову жизнь.
– Издеваешься? – Призрачный конь с подозрением уставился на птицу.
Хей лишь демонстративно закатил глаза, изображая изумление невежественностью Грома. Тот, почувствовав сарказм, застучал недовольно копытами.
– Начинается, – усмехнулся Толя. – Без вас было так тихо, ребята.
Он вскочил, с удовольствием потянулся и помчался к ручью умываться.
Солнце уже наполовину вылезло из-за леса. День обещал быть замечательным.

Глава 3

– Пожалуй, начну с теории. – Ворон, заложив крылья за спину, важно расхаживал туда-сюда, как университетский преподаватель перед студентами.

– Зачем нам твоя теория? – фыркнул призрачный конь. – Просто скажи, как открыть портал.

Толя сурово зыркнул на Грома: тот недовольно затих.

– Не знаю, что тебе рассказывала «берегиня», могу только поведать то, что знаю сам, – продолжил Хей. – Итак, официально известны три типа порталов: постоянные, временные и, так называемые, «звериные норы».

Толя внимательно слушал, пытаясь среди известной ему информации найти полезное.

– Постоянные порталы были открыты во всех частях света Первородными магами ещё в давние времена. Люди тогда сочли их богами, сошедшими с небес. После некоторых событий Высшие маги закрыли постоянные переходы. Как известно, они являются самыми сильными и устойчивыми, однако полностью контролируются хозяевами. Ни одна мышь не проскочит сквозь них незамеченной.

– Не наш вариант, – нетерпеливо мотнул головой Гром. – Давай дальше.

Ворон, не глядя на скакуна, продолжил лекцию, по-прежнему расхаживая вперёд и назад.

– Временные порталы существуют лишь короткое время. Их могут открыть маги среднего уровня, но только по согласованию с Высшими. В последнее время Хвангур отправляет своих «ищеек» через них.

– Зачем? – удивился конь.

– Не знаю, – неуверенно покачал головой Хей. – Раньше следили, чтобы маги, оставшиеся здесь, не использовали магию, а жили как люди. За нарушение жестоко наказывали: разделяли астральную и физическую сущности.

– Ужас! – Лошадиные глаза полыхнули огнём.

– Это было давно, – вмешался в разговор Толя. – Однако сейчас количество шпионов увеличилось. Почему?

– Не знаю. Евдокия говорит: ищут кого-то конкретного. – Хей встрепенулся, встряхнул крыльями и снова превратился в нудного учителя.

– Итак, остались «звериные норы». Я считаю их аномалиями. Они действительно похожи на узкие, длинные норы, сквозь которые оборотни могут пересекать границу. Особенность в том, что пройти они способны только в зверином облике. Однако в мире людей магия слабеет, поэтому не все возвращаются.

– Ничего нового, – фыркнул конь, – ни один вариант нам не подходит. Обманщик! – Копыта выбили небольшой фонтанчик земли.

– Я не закончил. – Ворон невозмутимо остановился напротив скакуна. – Есть ещё один, мало изученный вид порталов: блуждающие воронки. Через один я впервые попал в тот мир.

Толя с интересом подался вперёд, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Я долго вёл наблюдения здесь и там. Собирал рассказы очевидцев. Анализировал. И наконец пришёл к следующим выводам. – Ворон остановился и нахохлился, словно собираясь с мыслями. – Воронки – это побочный продукт открытия постоянных переходов. Они кружат возле них, как природные вихри. Иногда в них случайно попадают люди. Их потом считают пропавшими без вести. – Хей печально вздохнул. – К сожалению, они чаще погибают.

– А ты как прошёл? – Гром подозрительно уставился на птицу.

– Внутри любого портала могут выжить лишь те, кто имеет хоть немного магии, – задумчиво пробормотал Толя. – Значит, достаточно иметь оберег. Так ведь?

– Да, – хмыкнул Хей. – Мне Евдокия помогла.

– Теперь мы так много знаем о порталах, – ехидно пропел конь, потом сердито топнул. – Но что нам это даёт? Ни один способ не подходит. Ты просто зубы заговариваешь. – Гром грозно навис над нахохлившейся от возмущения птицей.

– Слушай, тысячелетний, ты-то чего копытами бьёшь? Для призраков всегда лунные двери открыты, – раздражённо бросил ворон.

– Не отвлекайтесь. – Толя нахмурился, продолжая что-то обдумывать, не глядя на спорщиков. – Так ты говоришь: блуждающая воронка всегда кружит вокруг постоянных врат? Здесь есть одна?

– Точно. – Глаза-бусинки довольно блеснули.

– Как её выследить?

– Можно приманить. Ты же маг. Главное, найти подходящее место, где сложатся три основных стихии: вода, земля и воздух.

– Чуть выше из горы выбивается ручей. Подходит?

– Думаю, да.

– Отлично! Тогда пошли.

Глава 4

Голову слегка сдавило. В глазах потемнело. Вековой мрак не отпускал его уже много лет, время от времени напоминая о себе жуткими головными болями. Он старался отгородиться от непроглядной тьмы, копошащейся где-то внутри. Однако её чёрные щупальцы обвивались вокруг, сжимая в объятиях, словно гигантский спрут.

Первое время он сопротивлялся изо всех сил, не смотря на боль. Нужно было выжить любой ценой, не превратиться в одну из этих мерзких тварей, питающихся страхом и страданиями. Он должен вернуться к жене и дочери.

Но дни пролетали за днями, недели за неделями. Надежда таяла, а боль усиливалась. Однажды он почувствовал, как липкие щупальцы обвили вокруг сердца. Биение замедлилось, удары стали тише. Боль перебралась с затылка в грудь. Внутри зажглось тёмное пламя, медленно пожирающее его. Он понял, что проиграл.

«Иногда нужно вовремя отступить, чтобы многое не потерять, – всплыли чьи-то мудрые слова. – Не бойся, шаг назад не подразумевает поражение. Это лишь передышка перед рывком вперёд».

И он отступил. Признал, что слаб. Поддался тьме и впустил её в свой разум, защитив сердце. Спрятал желание вернуться домой за семью замками: так далеко, чтобы Вековой мрак не учуял, не добрался.

Он подчинился, стал тем, кто внушает доверие у тьмы, кого ненавидят и в чью спину кидают презрительные взгляды. Пусть. Он должен выжить! Выжить, чтобы вернуться.

Глава 5

– Не пойму: ты маг или нет? – Чёрные бусины ошарашенно вылупились на Толю.

Тот, обессилев, свалился в траву рядом с журчащим ручьём. Ругаться и спорить не хотелось. Объясняться – подавно. Что он мог сказать? Видимо, прав ворон, называя его недомагом.

Толя не помнит, когда плакал в последний раз, но сейчас слёзы душили его, обида колодела в горле. Он ненавидел себя: такого никчёмного и неумелого. Элементарная задача оказалась не под силу.

Сейчас, как никогда, ему требовалась помощь или мудрый совет Веселины. Толя отчаянно хотел связаться с ней. Однако, с другой стороны, его терзал стыд: провалил первое настоящее испытание да ещё сразу жалобиться побежал. «Нет! – упрямо мотнул он головой. – Сам справлюсь».

– Почему у него не получается? – прошептал призрачный конь ворону. – Может быть, ты неправильно понял условие?

– Давай, вали с больной головы на здоровую, – раздражённо бросил тот.

– Хозяин там родился, – недоумевал скакун, – значит, он может. Что-то тут не так. – Лошадиный хвост закрутился, словно пропеллер, указывая на искреннюю озабоченность Грома.

– Ничего сложного! – Чёрные перья встали дыбом. – Нужно просто сосредоточиться на конкретном месте или человеке и искренне пожелать оказаться там. Что может быть проще? – Хей удручённо переминался с лапы на лапу.

Гром покосился на хозяина. Хотел подойти, но не решился, глядя на его сурово сведённые брови.

И птица, и конь понимали: винить Анатолия нет смысла, он сам себя изложет сильнее прочих. Поэтому решили оставить его в покое на некоторое время, за что он был им безмерно благодарен.

Сейчас ему необходима передышка: нужно заставить мозг работать. Толя откинулся на землю и устремил взгляд в небо. Надо отключиться, стать частью этого места. Пока он лишь инородный объект, нарушающий здешнюю гармонию.

Обычно ему требовалась пара минут для погружения в состояние покоя, но сегодня раздражение и недовольство собой мешали расслабиться.

Он сосредоточился на облаках, медленно плывущих по небу. Солнце уже клонилось к горизонту, разливая вокруг вечерние краски. «Ватные комочки» – так называла облака Лада – чуть порозовели. Некоторые зацепились за горную вершину и создали столпотворение, словно глупые овцы, сбившиеся с пути.

Перед носом пролетела деловито жужжащая пчела, потом ещё одна. Толя переключился на них. Мохнатые трудяги спешили в улей, подгоняя друг друга.

Он прислушался. Трава тихо колыхалась на ветру, мягко шурша рядом с ухом. Кузнечики перестали трещать и попрятались. На лес опускался вечер. Небеса ещё провожали солнечный свет, а деревья уже стояли в тени. От земли повеяло прохладой. Толя наконец услышал тихое журчание горного ручья. Хороший знак!

Он закрыл глаза. Вдох – выдох. Гневные мысли растаяли, словно льдинки на тёплом стекле. Вдох – выдох. Голова ясная, разум чист. Вдох – выдох. Астральная сущность выскользнула из тела. Сознание погрузилось в зыбкую нирвану воспоминаний.

Итак, ему нужно зацепиться за что-то в том мире. Проблема: он был слишком мал, покидая родину. Кроме того, его оберегали от чужих глаз, поэтому в памяти не сохранилось ни одного лица. Веселина первая, кого Толе позволили увидеть. Значит, человеческой зацепки нет. Остаётся надеется: он сможет вспомнить определённые места.

Толя прокручивал и прокручивал кадры хроники назад, но видел либо ночное небо, освещённое огромным лунным диском, либо сумрак безликого помещения, увитого диким плющом. Никаких особенностей, ни одной запоминающейся детали. Создавалось впечатление: его намеренно держали в изоляции, ограждая от излишних воспоминаний.

Толю захлестнула очередная волна отчаяния. Он решил сделать последний рывок. Сознание медленно погружалось в глубины памяти. Стало нестерпимо больно, в голове зазвенело от напряжения. Толя чувствовал, что ему не хватает воздуха, но упрямо заставлял себя двигаться дальше.

В какой-то момент звон оборвался, как порванная струна. Обессиленная астральная сущность вывалилась в некий карман: безвременное пространство. Он плыл в нём, ощущая себя маленькой пылинкой в солнечном свете.

Лёгкий бриз шевелил волосы. Над головой трепетали листья на ветвях огромного дерева. Его ствол казался чёрным на фоне ярко-синего неба. Где-то запела незнакомая птица. Сладковатый воздух щекотал нос: хотелось чихнуть от души. Чья-то рука тихо постукивала его по груди, убаюкивая.

Перед глазами мелькнула женская рука: на пальце кольцо и гравировка древа.

Дерево, растущее в обе стороны. Единое, распавшееся на две половины. Белый прямой ствол, испещрённый тёмными, рваными полосами, и другой – узловатый, скорченный, с глубокими морщинами.

Шелест листьев превратился в оглушительный рёв, словно многотысячная аудитория хлопала в ладоши.

Он лежал у кого-то на коленях, слушая песню. Над ним склонились огромная белоствольная берёза и тёмный кипарис. Их ветви переплелись над его головой, защищая от палящего солнца...

Толя почувствовал, как реальность дёрнулась. «Неужели получилось?» Он аккуратно, стараясь не всколыхнуть омут воспоминаний, вернул астральную сущность обратно и открыл глаза.

Воздух вибрировал и гудел, подобно электрическим проводам в морозную погоду. Ворон и конь тоже напряглись и крутили головами, пытаясь определить источник колебаний.

– Ты что-то вспомнил? – Хей скосил глаза на Толю.

Тот утвердительно кивнул.

– Отлично! Тогда давайте договоримся заранее. – Ворон подлетел ближе и заглянул Толе в глаза. – Нас, скорее всего, разбросает в разные стороны, но я знаю твою цель, поэтому, пожалуйста, дождись меня там.

– Я думал: раз ты так туда рвёшься, то там и останешься. – Конь склонил голову на бок, отчего стал похож на увлечённого чем-то подростка.

– Я должен обязательно вернуться. – Ворон умоляюще глянул на Толю. – Не оставляй меня там.

Откуда-то из-за горы показался огромный вихрь. От него исходила невероятная сила. Толя почувствовал, как вязнет в вибрирующем поле. Руки и ноги отяжелели, всё тело наполнилось гулом.

Воронка стремительно приближалась. Время застыло. Мгновение – и огромная «пасть» вихря нависла над ними.

Нужно сделать шаг, но сердце вдруг сжалось: то ли от предчувствия, то ли от страха. Вороньи лапы, больно вцепившиеся в плечо, отрезвили его. Схватив рюкзак и нащупав онемевшими пальцами оберег, висевший на шее, Толя шагнул в гудящее чрево портала.

Тихо листья шуршат,
И летит, не спеша,

Моя песня к тебе навстречу...

Силу света и тьмы
Ты, мой сын, забери.
Жребий брошен велением сердца...

Глава 6

Он не знал, какие ощущения испытывают маги, пересекающие портал. Почему-то переход представлялся в виде туннеля или коридора. В любом случае такой болтанки Толя точно не ожидал. Его швыряло из стороны в сторону, словно в старом автобусе, несущемся по колдобинам просёлочной дороги.

Иногда перед глазами пролетало тело ворона. Пернатого попутчика тоже изрядно потрепало, но птица стойко молчала, не возмущаясь и не жалуясь. «Интересно, зачем ему нужно попасть туда?» – Толя проводил глазами ворона, кувыркнувшегося неподалёку, как хомяк в стеклянном шаре.

«Сосредоточься», – одёрнул он сам себя. Толя восстановил единственное воспоминание детства: двустороннее дерево, потом сунул руку за ворот и достал оберег. Лунный камень мерцал и пульсировал. Его ровный, мягкий свет успокаивал.

Внезапно болтанка усилилась. Толю сбил с ног очередной резкий толчок. Приземлившись на колени, он вместо боли ощутил смутное беспокойство. В голове пришёл в движение какой-то механизм. Толя чувствовал, как медленно начинают вращаться покрытые забвением шестерёнки. Их скорость увеличивалась, лунный камень разгорался всё ярче, ладони вспотели.

– Будь осторожен! – крикнул Хей. – Мы уже близко.

– Откуда знаешь?

– Твой камень разгорается, значит, наполняется магией.

– Ты много знаешь для обычного человека.

– С некоторых пор я не человек, как видишь, – ухмыльнулся Хей. – Хочу предупредить, – он внимательно посмотрел Толе в глаза, – не верь никому.

– Никому? Даже себе? – попытался пошутить Толя.

– Иногда стоит сомневаться даже в себе. Будь осторожен!

– Как долго ты пробыл в том мире? Неужели там было так ужасно?

Воронка снова затряслась, расшвыряв их в разные стороны.

Шестерёнки от встряски закрутились с сумасшедшей скоростью, вызывая тошноту. Казалось, ещё миг – механизм в голове разлетится на мелкие кусочки. Стараясь не обращать внимание на головокружение, Толя поднялся и направился к ворону.

Птице повезло меньше: крыло было вывернуто неестественным образом. Хей от боли зло ворчал себе под нос, но, увидев Толю, замолчал.

– Придётся потерпеть. – Толя резко дёрнул крыло на себя и в сторону, почувствовав, как оно встало на место.

Ворон выдохнул с присвистом, закрыв глаза от боли.

– Ты как?

Чёрные бусинки влажно блестели. Хей выглядел жалким, потрёпанным и старым.

– Переживу, – буркнул он.

– Не сомневаюсь. – Толя внимательно разглядывал птицу. – Сколько тебе лет по человеческим меркам?

– Столько не живут, – угрюмо проскрипел ворон. – Если бы не кольцо, помер бы уж лет пятьдесят назад.

– Жалеешь?

– О чём? – Хей нахмурился. – Человеческая жизнь тоже была не сахарной, знаешь ли. Вот только последние годы, пожалуй, самые счастливые. – Птица прикрыла глаза, явно вспоминая что-то хорошее.

– Но сожаления есть. Я чувствую.

– У кого их нет? Скажешь, сам живёшь без них? Не поверю. – Хей, взмахнув крыльями, взлетел. – Мы каждый день делаем выбор: значительный или нет, не важно. Выбор влечёт за собой последствия. Если они в результате не совпали с нашими ожиданиями, то мы испытываем сожаление. – Ворон сделал пару кругов над головой Толи. – Причём жалея о сделанном, нельзя быть уверенным, что противоположный выбор смог бы осчастливить нас. Вот в чём парадокс.

– Да ты философ.

– Через сотню лет любой станет философски относиться к жизни. Особенно если ты бессмертен. – Из груди Хейя вырвался скрежещущий, каркающий смех.

Внезапно оберев в руке, ярко вспыхнув, обжёг кожу. Толя от неожиданности разжал кулак.

– Пора, – коротко бросил Хей. – Помни, что я сказал: никому не верь, поменьше болтай и внимательно слушай. Постараюсь добраться до тебя, как можно раньше.

– Разве мы выйдем не вместе?..

Ответ Толя уже не услышал. Вихрь облепил его, закрутил, завертел, превращая в мечущуюся в потоке воздуха пылинку. Уши заложило, в глазах потемнело. Раздался тихий хлопок: он почувствовал, что выскочил, словно пробка из бутылки.

А потом выключили свет...

Часть 3

Глава 1

Она проснулась посреди ночи. Открыла глаза, пытаясь понять причину. Внутри дрожало смутное беспокойство.

Похоже, где-то образовался очередной прорыв.

Как всякий Высший, Мара ощущала открытие любых порталов, даже «звериных нор», однако давно научилась не реагировать на них.

Система отслеживания работала эффективно. «Ищейки» появлялись на месте несанкционированного прохода через считанные секунды, нарушители тут же арестовывались. Правда, ничего серьёзного не было: либо подростки-перевёртыши резвятся, либо племенные охотники за добычей ходят. В последнее время в лесах стало мало зверя. Племена голодают, вот и приходится браконьерничать, нарушая запреты.

Мара спустила ноги с кровати и поёжилась. Замок, как обычно, продувался насквозь. Она не мёрзла даже в лютые морозы, но противные сквозняки не любила.

Чувствуя раздражение, Мара сунула ноги в мягкие домашние туфли, встала, подошла к окну и вздрогнула. Огромная луна, висевшая на своём месте, подёрнулась багровой дымкой. Небесные наблюдатели ничего не прогнозировали, иначе она была бы в курсе. Значит, это след магии. Но какой?

Мара снова прислушалась к себе. Что разбудило её? Она привыкла доверять своей интуиции, а сегодня что-то явно беспокоило астральную сущность.

Окончательно стряхнув сонливость, Мара твёрдым шагом направилась в соседнюю комнату. Распахнув двери спальни, она краем глаза увидела встрепенувшихся служанок, дежуривших у её покоев.

– Выйдете все, – властным тоном приказала она.

Дождавшись, когда прислуга закроет двери, Мара приблизилась к огромному зеркалу в тяжёлой золотой раме. Холёные, бледные пальцы взметнулись вверх: в воздухе вспыхнули руны, снимающие заклинание-затвор.

По зеркальной поверхности побежала рябь, металлический блеск стал чище, и из глубины всплыло изображение комнаты, больше похожей на командный пункт. Несколько десятков человек в мышинового цвета униформе сидели за столами. Перед каждым светился магический экран, куда они напряжённо вглядывались.

На противоположной стене висела карта. На ней то тут, то там загорались красные, синие или белые точки.

Мара внимательно оценила обстановку. Непохоже, что случилось нечто необычное: ни паники, ни суеты. Всё в рабочем режиме.

– Дежурный, – позвала она.

Напротив моментально материализовался старший смены.

– Чем могу служить?

– Доложите обстановку за ночь. Интересует только открытие внешних порталов.

– Ничего необычного, госпожа Морена. Пара подростков-перевёртышей ушла через «нору», но вряд ли они вернуться. Скорее всего сгинут в том мире, растеряв силы при переходе.

– Дальше. – Махнула рукой Мара.

– Призрачный конь прошёл сквозь лунные врата, но эти твари вечно бегают туда-сюда.

Мы на них уже не реагируем.

Мара грозно свела брови и скрестила руки на груди. Её раздражение искало выход и, кажется, она имеет право отчитать этого самодовольного дежурного. Тонкие губы чуть скривились, но Мара тут же опомнилась и взяла себя в руки.

– Ваша задача не анализировать на что надо обращать внимание, а на что нет. Вы обязаны отмечать все нарушения независимо от их значимости. Понятно?

Молодой мужчина побледнел и опустил голову. Раздражать Высших себе дороже. Так можно без головы остаться.

– Ещё что-то было? – Выпустив пар, Морена почувствовала себя лучше.

– Блуждающая воронка, – голос дежурного сорвался. Он виновато откашлялся и продолжил: – Блуждающая воронка открылась пару часов назад. Долго кружила над священной горой, потом металась между поселениями оборотней и в конце рассыпалась неподалёку от городских стен.

Мара выжидательно смотрела на дежурного.

– Из неё вывалилась только птица, – пробормотал мужчина, непроизвольно пятясь назад.

– Обычная птица? Никого больше? Ты уверен?

Дежурный молча кивал головой на каждый вопрос.

Мара начала успокаиваться: «Ничего необычного. Беспокойство ложное». Она уже хотела взмахом руки закрыть зеркало, но решила уточнить из любопытства:

– Какую птицу принесла блуждающая воронка?

– Лесного ворона, – расправив плечи, произнёс дежурный, решивший, что гроза миновала. – Это был обычный чёрный ворон.

Рука Морены замерла в воздухе...

Глава 2

Мрак поглотил его. Вернулось знакомое ощущение пустоты. Вакуум и темнота. Он думал, что привык, что не испугается, но в очередной раз проиграл.

Мрак зашевелился, просыпаясь и ворча, словно медведь после зимней спячки. По телу пробежал холодок, в затылок ударил невидимый молот. Боль пронзила его насквозь, как молния. Он даже почувствовал запах палёной кожи: мерзкий, тошнотворный.

Паника охватила всё его существо: «Я не могу сопротивляться! Я так устал!»

Где-то внутри затрепетала душа, точно птица в клетке. Птица, давно не видевшая солнечный свет и оттого растерявшая яркие перья. Облезлая, худая, забывшая радость. Он лишил её голоса, забрал надежду, запер в глухом подвале памяти. «Подожди ещё немного», – уговаривал он, хотя сам порой сомневался.

Боль в затылке пульсировала в такт сердцу, напоминая о повинении и смирении. Страх отошёл на второй план.

– Где ты? – властный голос врезался в мозг, как нож в масло.

Давно он не слышал его. Ничего не изменилось: ни тембр, ни акцент, ни холод, пробирающий до костей.

– Я жду. Не смей задерживаться.

Пустота. Мрак. Холод.

«Я должен выжить. Иначе всё было зря», – бросив последний взгляд на серую птицу, бьющуюся в клетке, он равнодушно накинул на неё чёрное покрывало и вынырнул из тайного подвала памяти.

Открыв разум тьме, почувствовал, как пульсирующая боль перетекает туда, обволакивая мысли чёрными, тонкими щупальцами.

Его борьба продолжалась, только теперь впереди, наконец-то, забрезжил выход.

Глава 3

В такие ясные ночи, как сегодня, она любила бегать в зверином обличье. Адреналин заставлял её кровь бурлить, обостряя чувства до предела. Казалось, весь мир принадлежит ей.

С высоты холма родная деревня выглядела крошечной. Жители часто охотились по ночам, поэтому в поселении никогда не гасли огни.

Сзади слышалось чьё-то тяжёлое сопение. Она спиной почувствовала недовольство, исходившее от соплеменников.

– Бешеная девка! – ругнулся запыхавшийся Рут. – Мы на охоту вышли или гонки по пересечённой местности устроили?

– На такой скорости разве можно сосредоточиться на добыче? – вторил ему приятель.

Парни, забравшись на вершину, рухнули без сил. Они тяжело дышали, на шеях вздулись вены, а глаза слезились от напряжения.

– Я не звала вас с собой, – бросила Ангелия, не оборачиваясь. Она начинала злиться, хотя понимала: парни не виноваты. Им просто не повезло.

Всю свою жизнь Ангелия находилась под присмотром: куда бы ни шла, следом трусил соглядатай. Она привыкла, но иногда раздражалась.

Отношение соплеменников всегда настораживало её и угнетало. Сначала она не понимала причины, потом ощутила их страх. Жители деревни боялись Ангелию: маленькую девчонку-перевёртыша, полусироту. Детям запрещали с ней играть, взрослые старались не смотреть ей в глаза. Ангелия не понимала, плакала.

Глядя на огромный, лунный диск, она вспомнила, как в шесть лет умоляла старейшину отпустить её грехи прошлого, провести ритуал очищения и позволить жить в деревне наравне со всеми...

Маленькая, колючая звезда моргнула и сорвалась вниз. Ангелия усмехнулась, провожая падающую искру глазами. Она давно не доверяла свои желания звёздам. Нельзя никому верить! Той маленькой, доверчивой девочки больше нет.

– Ненавижу! – слышался шёпот Рута. – Не пойму, почему старейшина не вышвырнет её.

– Тише ты, услышит ещё, – испуганно дёрнулся его приятель.

– Ну и пусть. Что она может? Девчонка ни в одном состязании на зрелость не участвовала. Никчёмная девка. Только хвостом крутить умеет. Неизвестно, за что её старейшина пригрел, но слухам рот не заткнёшь. – Рут сел и раздражённо сплюнул в траву.

Ангелия почувствовала, как кровь закипает в жилах, кулаки непроизвольно сжались да так, что ногти впились в ладони. Она медленно втянула носом воздух и выдохнула сквозь сжатые зубы.

При первой же встрече с Рутым Ангелия поняла: стычки не избежать. Этот парень был самым лучшим среди сверстников: в беге, в стрельбе, на охоте. Самый сильный, самый быстрый, самый красивый по мнению большинства женщин рода. Девушки восторженно шептались за его спиной. Взрослые спорили: чьей семье повезёт сосватать такого молодца.

Лишь Ангелия хмуро косилась, когда Рут хвастался очередным трофеем, да ехидно ухмылялась на сезонных соревнованиях, что бесило парня.

Когда Мах назначил новых сопровождающих, Ангелия, увидев среди них Рута, хотела возмутиться, но, заметив огонёк торжества в глазах старейшины, сдержалась. Сейчас не время.

«Терпи», – снова и снова твердила она себе, стоя на вершине холма и глядя на сияющую луну. Хотелось завывать от злости. Рут, похоже, специально пытался вывести её из себя.

– Молчишь? – неожиданно раздался его шёпот у самого уха. – Ты же всё слышала. Неужели боишься?

– Ты прекрасно знаешь: мне запрещено участвовать в каких бы то ни было состязаниях племени. А за стычки и драки меня ждёт наказание. – Ангелия спокойно развернулась и упёрлась взглядом ему в переносицу.

– Только не говори, что это тебя когда-либо останавливало, – усмехнулся Рут.

– Ты прав. Именно поэтому у меня была возможность несколько раз ткнуть твою пёсью морду в лужу, – мило улыбнулась она в ответ.

Тёмные, близко посаженные глаза соглядатая налились яростью. Затылок покрылся серой волчьей шерстью. Рут зло оскалился, обнажив острые клыки.

– Остынь, парень. – Приятель схватил соплеменника за руку. – Старейшина будет не доволен. Не ты должен стать инициатором. – Он вдруг испуганно осёкся и покосился на Ангелию.

Та лишь победно ухмыльнулась: «Олух», но вслух произнесла:

– Возвращаемся. Постарайтесь в этот раз не отстать. – Глаза вспыхнули янтарным светом, заставляя соплеменников виновато опустить взоры.

Она сорвалась с места и понеслась вниз, обгоняя ветер.

Глава 4

Сознание медленно возвращалась к нему. Сначала включилось обоняние: в воздухе пахло сыростью и чем-то затхлым, словно в старом, лодочном сарае на берегу реки. Следом прояснился слух: неподалёку равномерно падали капли. Их звонкое плюханье казалось таким удручающим, словно немой, безликий плач.

Однако темнота, окружавшая его, не рассеивалась. Толя надеялся, что глаза привыкнут, и он сможет различить хотя бы очертания ближайших предметов. Увы.

Он встал и попытался двигаться на ощупь. Под ногами что-то хлюпало и чавкало. Кромешная темнота угнетала и казалась неестественной. Даже острый взгляд мага не мог уловить ни одного проблеска. Толя включил фонарик на телефоне, но мрак поглощал любой свет, как будто высасывая его из источника.

Внезапно нечто влажное коснулось щеки. Толя резко отмахнулся и выставил руки вперёд. Пальцы нащупали узловатые, длинные плети, спускающиеся откуда-то сверху. Слегка мокрые, но не противные. Они не шевелились, безжизненно свисая, как шнуры с завязанными на них узлами.

Толя продолжал идти, раздвигая плети: с каждым шагом их завеса становилась плотнее. Наконец впереди посветлело. Тьма растеклась сумерками, словно невидимый художник капнул в чернила немного чистой воды.

Стало очевидно: плети – это корни огромного дерева, внутри которого он оказался. Они спускались сверху, вились под ногами, ползли по стволу, цепляясь друг за друга.

Кулон предупреждающе обжог кожу. Толя достал его и был поражён. Обычно лунный камень мягко мерцал и пульсировал, сейчас печать Сварога горела алым пламенем, словно кровавая метка на фоне священного дерева. Оберег стал горячим. Пришлось оставить его поверх рубахи, чтобы не обжечь тело.

Чем ближе к выходу подходил Толя, тем ярче разгорался амулет.

Вскоре впереди показалась огромная дыра. Земля под деревом осыпалась, образовав лаз.

Толя ухватился за свисающие плети и подтянулся. Мощные корни бугрились под ногами, переплетаясь, словно змеиные тела. Через пару мгновений он выбрался наружу и оглянулся.

За спиной возвышался священный кипарис. Его густая крона закрывала небо, кора на стволе сморщилась, как кожа старика. Узловатые ветки свисали до земли.

Веселина часто рассказывала о священных деревьях, но реальность превзошла ожидания.

Значит, это Хвангур. Подлунный мир тёмных магов. Где почти круглый год стоят лиловые сумерки. Куда стремятся обиженные и ссылают наказанных. Мир несбывшихся надежд и разочарований. Так рассказывала ему в детстве «берегиня».

Здесь правил Волх. Один из сильнейших Первородных Высших магов, разделивший Ирий надвое.

«Не хотелось бы с ним сейчас встретиться, – подумал Толя, вспомнив о предупреждении Веселины и ворона. – Однако этот мир весьма заманчив. Интересно было бы прогуляться по нему незамеченным».

Рассмотрев дерево со всех сторон, Толя решил спуститься с горы, чтобы окинуть взглядом окрестности. Как ни странно, здесь стояла удивительная тишина: не слышно птичьего гомона, шуршания травы, жужжания насекомых. Бесспорно, над Хвангуром сейчас стояла ночь, но живность-то должна быть в любом случае.

В отличие от мира людей луна здесь светила по-другому. Она словно была задрапирована в лиловую вуаль, отчего ночь больше походила на фиолетовые сумерки. Созвездия тоже отличались, но их можно было увидеть, лишь поднявшись высоко в горы.

Засмотревшись на сияющий небосвод, Толя не заметил, что впереди замаячил энергетический барьер. Поэтому сильно удивился, когда перед носом внезапно завибрировал от напряжения воздух. Барьер плавно колыхался, словно марево над горячим песком. Пространство за ним казалось дрожащим миражом, готовым распасться при касании. Толя не видел конца и края завесы. Возможно, она опоясывала всю священную гору.

Пытаясь рассмотреть, что находится за барьером, Толя подошёл ближе. Судя по очертаниям, там начиналось болото. Несколько хилых деревьев говорили о том, что топь появилась достаточно давно и уже успела поглотить близлежащий лесок.

Оступившись, Толя случайно облокотился на барьер и замер, ожидая предупредительный удар. Однако завеса внезапно застыла. Выждав пару минут, он осторожно провёл по барьеру рукой. Никакой ответной реакции не последовало. Странно: похоже, завеса пропускала его.

Толя настороженно покрутил головой, прислушиваясь к окружающему пространству, но вокруг по-прежнему царил безмолвие. Ещё раз убедившись, что его ничто не беспокоит, он уверенно шагнул внутрь барьера.

Передвигаться внутри было непривычно: приходилось прикладывать усилия, как аквалангисту в толще воды. Обычно такие завесы не слишком широкие. Толя прикинул: толщина этого барьера около четырёх метров. Выскочив из него, он оказался на крутом склоне, за которым маячил обрыв.

Толя подошёл к краю и посмотрел вниз. Там начиналось болото: чёрная, маслянистая топь, куда ни глянь. Кое-где торчали хилые скелеты деревьев, цепляющихся за жизнь из последних сил. Над поверхностью курился сизый дым. Пахло чем-то прогорклым.

Толя поискал глазами тропинку, чтобы обойти топь, но ничего не нашёл. Похоже, здесь давно никто не ходил.

Он скинул с плеч рюкзак и достал небольшой, величиной с ладонь, квадрокоптер. Расправил лопасти, включил микрокамеру. Аппарат управлялся с телефона и имел небольшую зону охвата, но для простого осмотра достаточно.

Тихо зажужжав, коптер поднялся в воздух. Звук эхом разлетелся над болотом. На экране телефона появился клочок земли, над которым завис аппарат. Отрегулировав резкость так, чтобы можно было рассмотреть травинки с высоты двух метров, Толя направил коптер в сторону болота и включил запись.

Унылая, чёрная жижа. Кое-где на поверхности вздувались пузыри и лопались с тихим чавканьем. Рядом с торчащими из топи деревьями ещё виднелись небольшие островки земли, но они выглядели сухими и безжизненными. Болото напоминало нефтяную лужу: густую, маслянистую и вонючую. Но в отличие от нефти топь не отражала свет. Она была абсолютно чёрной, словно все блики и лучи умирали в ней. Мрак, разлившийся по земле.

Толя так увлёкся, что не заметил предупреждающий сигнал: аппарат пересёк границу зоны управления.

– Чёрт! – Он попытался вернуть контроль над коптером, но увы, аппарат стал неуправляемым.

Терять его не хотелось, он мог ещё пригодиться. Толя сунул телефон, ставший бесполезным, в карман и выставил руки вперёд.

Глаза янтарно сверкнули, высвобождая скрытую силу. Пальцы быстро нарисовали в воздухе притягивающую руну. В то же мгновение от него к квадрокоптеру начала раскручиваться светящаяся нить. Зацепившись за аппарат, она натянулась, словно струна. Толя осторожно стал подтягивать коптер к себе, стараясь не уронить его в болото.

Внезапно поверхность топи покрылась мелкой рябью, послышался едва уловимый, глухой рокот, словно где-то в недрах заработал мотор. Толя остановился, аппарат завис на полпути.

Чёрная жижа забурлила сильнее, то тут, то там выплёскивая тягучие протуберанцы густой слизи. Толя торопливо потянул за нить, беспокоясь, что один из них собьёт коптер.

Болото в считанные секунды превратилось в бурлящий котёл. Гул стал сильнее. Языки жижи достигали высоты полутора метров. Толя не понимал, что происходит.

У самого берега один из протуберанцев схватил аппарат и потянул к себе. «Неужели они живые? – промелькнула пугающая мысль. – Не может быть». Однако происходящее доказывало обратное. Толя изо всех сил тянул нить к себе, но топь цепко держала коптер в своих щупальцах, не собираясь сдаваться.

Вдруг он почувствовал, как земля под ногами вздрогнула: поверхность болота вспучилась, и из его глубины начала вырастать огромная, бесформенная масса. Мрак стусился. Луна подёрнулась багровой дымкой.

Чёрные, склизкие щупальцы потянулись в его сторону. Внутри Толи всколыхнулся страх, словно отозвавшись на безмолвный призыв. Топь каким-то образом находила ужас внутри него, вытягивая из закоулков разума и заполняя им всю человеческую сущность. Толю словно парализовало.

«Беги!» – молнией мелькнуло в кромешной темноте страха. Амулет ярко вспыхнул и обжёг кожу. Боль привела его в чувство. Толя схватил рюкзак и кинулся к защитному барьеру.

Оглянувшись, он увидел, как чавкающая топь последовала за ним. Густые, маслянистые волны накатывали одна за другой, заливая берег.

Толя с разбегу врезался в барьер. Завеса, казалось, стала плотнее: он едва передвигал ноги, отсчитывая каждый шаг. Наконец, тяжело дыша, Толя вывалился с другой стороны и упал от усталости.

– Фу, слава богу. – Он чуть прищурился, вглядываясь в энергетическую завесу.

Топь подползла вплотную к барьеру и кидалась на него, как разъярённый зверь.

– Ничего, он удержит эту мразь, – успокаивал себя Толя. – Не пойму только, чем спровоцировал агрессию.

Он откинулся на землю, разбросав руки в стороны, и закрыл глаза.

Бух-бух. Сердце колотилось так, словно пробежал марафон. Бум-бум. Нет, что-то не так. Земля под ним ходила ходуном, вздрагивая от каждого удара. Он вскочил на ноги.

Бух – барьер дрогнул и сдвинулся на полшага. Бум – очередной удар и ещё сдвиг.

Что происходит? Что это за сила, способная двигать силовые барьеры?

«Уходи», – амулет снова ярко вспыхнул. За спиной беспокойно шумел священный кипарис. Ветки металась из стороны в сторону. Повсюду летали кусочки коры, иголок, травы. В воздухе витал страх.

Толя быстро вскарабкался к подножию дерева, ещё раз кинул взгляд вниз. Топь продолжала бушевать. Барьер рассыпал электрические искры при каждом ударе.

– Прости. – Толя потрепал кипарис по стволу. – Доставил хлопот.

Древо сердито зашумело кроной.

– Можешь объяснить причину? – Он виновато гладил искорёженные временем ветви.

– Магия, – прошелестел в голове ответ.

Тут до него дошло: он применил свою силу. Веселина предупреждала, что нужно её скрывать до поры до времени.

– Чёрт, чёрт, чёрт! Вот же я балбес! – Толя стукнул себя по лбу, коря за забывчивость и неосторожность. – Что теперь будет?

– Уходи, – снова прошелестело в голове. – Побушует и утихнет. Не делай больше глупостей. Думай.

Толя провёл пальцем по извилистым дорожкам на коре, благодарно прижался к ней щекой, почувствовав тепло, исходившее от дерева. Затем ухватился за корни и скатился вниз в темноту провала.

Глава 5

Ангелия тихо лежала на крыше, прислушиваясь к разговору внизу. Старейшина Мах распекал нерадивых согладатаев, упустивших её в лесу. Она удовлетворённо хмыкнула: «Проще простого».

Никто из соплеменников не догадывался о её способностях. К состязаниям Ангелию не допускали с тех пор, как она в возрасте пяти лет остановила бешеного волка, выскочившего из леса. Даже сейчас она легко могла мысленно воспроизвести события того дня.

Волк был огромным, матёрым. Из раскрытой пасти текла слюна, глаза зверя, красные от ярости, бегали из стороны в сторону, ища жертву. Обычно охотники убивали таких особей, считая их заражёнными мраком.

В деревне как раз праздновали День урожая. Все, от мала до велика, находились на большой поляне для общедеревенских гуляний.

Зверь выскочил в самую гущу и ошалел от огромного количества людей. Над поляной нависла зловещая тишина, сопровождаемая лишь глухим, волчьим рыком. Ни один охотник не успел бы выхватить оружие, тем более многие оставили его дома. Люди испуганно переглядывались, понимая: жертв не избежать.

Ангелия пыталась вспомнить, почему она вышла навстречу волку в тот день. Всеобщий страх жителей вытолкнул её? Или, может быть, её собственный страх? Она много раз за эти годы возвращалась к тем событиям, пока не осознала причину.

Жалость. Во всем виновата жалость. Ангелия вспомнила глаза зверя, наполненные ужасом. Волк понимал, что болен, что делает отвратительные вещи, но остановиться не мог. Заразивший его сущность мрак пожирал изнутри, доставляя боль. Она увидела это и пожалела его.

Ангелия помнит, как вышла зверю навстречу и встала напротив. Волк возвышался над ней: огромный, мохнатый, дикий монстр, полный сумасшедшего ужаса, готовый броситься и разорвать любого. Её глаза сверкнули янтарным светом. Он проник в разум волка.

– Помоги мне, – услышала она.

– Ты готов?

Зверь преклонил перед ней голову.

– Прости. Жаль, что нет другого пути.

Ангелия резко вскинула руку: блеснула обнажённая сталь. Короткий, острый клинок бесшумно вошёл в голову зверя ровно между глаз.

Ярость в них потухла. Тело поникло и свалилось на траву ей под ноги.

Толпа ошарашенно молчала.

Внезапно поверженное тело подёрнулось дымкой, обычно сопровождающей обращение. Ещё через мгновение перед изумлёнными жителями предстал мёртвый, пожилой мужчина-оборотень. Незнакомец, видимо, был из другого рода. Все с ужасом переводили взгляд с него на пятилетнего ребёнка, спокойно сжимающего нож, с которого стекала алая кровь.

– Его нельзя было спасти, – вздохнула Ангелия. – Мрак поразил его.

Из тела медленно вытекала чёрная, маслянистая жижа.

С того дня соплеменники стали её бояться. Она и раньше была под особым контролем из-за сомнительного происхождения, но после тех событий превратилась в изгоя, от которого нельзя избавиться.

Ангелия перевернулась на спину и уставилась в звёздное небо.

Испытывал ли хоть кто-нибудь из них чувство одиночества? Не когда ты просто один или некого спросить о чём-то. Нет.

Одиночество подобно вакууму. Это когда пустота не только окружает тебя снаружи, но и проникает внутрь. Одиночество, как выжженная пустыня, как безмолвный пляж. Пустота, в которой тонут звуки, чувства, эмоции. Ты становишься частью вакуума. Пустой и ненужной.

Ангелия прошла через эту безмолвную пустоту.

Самое страшное: чувствовать себя ненужной. Ты теряешь себя, ускользает смысл жизни. Граница между добром и злом становится зыбкой... Тогда приходит мрак. Тихо подкрадывается, заискивает, льстит, убаюкивает обещаниями, вкрадчиво жалеет, заполняя темнотой пустоту, образованную одиночеством.

«Наверное, тот зверь тоже был одинок, – вдруг подумала она. – Жаль, что мы не встретились чуть раньше».

Одиночество – не болезнь, это осознанный выбор. Никто не может заставить тебя быть одиноким. Из одиночества всегда есть выход. Главное – стремиться его найти. Ангелия нашла.

Лунный диск вдруг подёрнулся багровой дымкой. Звёзды задрожали, словно в небесный океан упали капли дождя и всколыхнули водную гладь.

Ангелия судорожно выдохнула: «Неужели?» Она прижала руки к груди, пытаясь унять встрепенувшееся сердце. Затем тихо соскользнула с крыши и растворилась в ночном лесу.

Глава 6

Он снова был в деревне. Солнце нещадно лупило по макушке, и чей-то звонкий голос кричал ему вдогонку: «Накрой голову! Не дразни светило». Но возвращаться не хотелось: за околицей заждались друзья. Они с вечера готовили эту вылазку, а если мать прознает, подзатыльником не отделаться.

Он выскочил за ворота и помчался к лесу, сверкая босыми пятками. Рубаха колыхалась от бега и прилипла к вмиг вспотевшему телу. «Бр-рр. Сейчас бы искупнуться».

Пацаны радостно засвистели, увидев его. Особое приветствие, пара вопросов – и вот ватага уже спешит навстречу неизведанному по узкой, лесной тропе.

В чаще дышалось легко. Солнечные лучи не пробивались сквозь густые кроны, а лишь любопытно заглядывали в маленькие промежутки между листвой. От этого казалось, что деревья увешаны сверкающими стекляшками, мерцающими при дуновении ветра.

Он любил лес. В нём можно было спрятаться от любых неприятностей или, наоборот, их найти. Чаша всегда встречала его с распростёртыми объятиями: гомоном птиц, трескотнёй белок и трубным призывом оленей, выпрашивающих лакомства. Жуки садились ему на ладонь, бабочки играли в волосах. Иногда приходилось спасать парочку, запутавшуюся в длинных локонах.

Он любил уходить с матерью рано утром по росе, когда целительные травы полны силы. Она аккуратно срывала нужный стебелёк, показывала ему и рассказывала о свойствах.

Перед глазами промелькнула женская рука: хрупкая, белокожая. В ней зажат зверобой. Полезная травка. Отец любил добавлять её в чай.

– Смотри. – Он хлопнул в ладоши, и стая мелких ночных мотыльков взметнулась в воздух, стряхнув росу с листьев ему в лицо.

Он засмеялся, мама – следом. Её мелодичный смех раздавался в ушах и наполнял его необыкновенным, лёгким чувством счастья. Он выпрыгнул из травы и побежал ей на встречу. Она ждала, раскрыв объятия. Высокая, грациозная, в светлом облаке длинных волос, струившихся до пояса.

Её лица не видно: солнечный свет бьёт в глаза. Он бежал и бежал, но никак не мог приблизиться к ней. «Мама, мамочка!» – голос сорвался. Картинка мигнула, словно испорченный кадр на порванной киноплёнке.

Дамир открыл глаза: «Опять этот сон». Они всегда заканчивались одинаково: оборванным счастьем и затаённой обидой. Мать бросила его. Ушла. Столько времени пролетело, а сердце до сих пор саднит.

Дамир скинул одеяло и встал. Спать расхотелось. В комнате было темно и тихо, только слышалось тиканье старинных ходиков. Он подошёл к стене и чуть подтянул механизм: от старости часы немного отставали.

Дёрнув тяжёлую портьеру, Дамир открыл окно. Свежий, ночной воздух ворвался в душную комнату. Он почувствовал облегчение. «Надо наведаться в деревню. Подышать, поскакать на лошади. Просто развеяться».

Огромная луна безмолвно царил в небе: безжизненная, холодная. Он ещё помнил, что есть другая: пусть небольшая, но тёплая, меняющаяся, несущая радость. Сестра-близнец из другого мира. Такого далёкого и такого желанного.

За дверью послышался какой-то шум. Дамир отвлекся от дум, прислушался, потом быстро пересёк комнату и открыл дверь.

В замке творилось что-то невообразимое. Заспанная прислуга, поднятая посреди ночи, металась по коридорам, зажигая везде свет. Где-то двигали мебель и стряхивали пыль со старых зеркал. На кухне запустили огромную печь, отчего гул пошёл по всему замку. Обычно это

делали только в дни больших приёмов. В воздухе стоял шум от шаркающей обуви, бряцанья посуды и шелеста портьер.

– Что происходит? – остановил он одну из служанок.

– Госпожа Морена приказала подготовить замок к приезду гостей.

– Каких?

– Простите, господин, я не знаю, – пролепетала женщина. – Могу я идти?

Дамир махнул рукой, отпуская её.

Тёща Велеса не отличалась сумасбродством. Если Мара приказала что-то сделать, на это всегда были веские причины. К сожалению, она редко делилась своими идеями. Отчасти поэтому всегда выигрывала.

С некоторых пор Морена повадилась приезжать к ним в гости и жила подолгу. Не зная её, можно было бы оправдать частые визиты любовью к внукам и дочери. Однако Дамир давно разглядел Мару, поэтому остерегался вдвойне.

Вряд ли Макошь в курсе замыслов матери, но расспросить её стоило. Дамир вернулся в комнату, быстро умылся, облачился в домашний костюм и направился в покои мачехи.

Называть Макошь мачехой у него язык не поворачивался, но и матерью он её не считал. Помнится, они сразу сошлись на том, что будут общаться на «ты» и по имени.

Шаги гулко отдавались эхом, теряясь под высокими сводами. В этой части замка всегда было тихо, уютно, без суеты. Каменные стены, увитые живым плющом, украшали картины неизвестных художников. Их меняли каждый месяц, поэтому при дворе жила целая рисующая артель.

Велес жену не любил и особо не баловал, но позволял заниматься тем, что нравится. Наверное, поэтому Дамир, отщепенец и байстрюк, и Макошь, нелюбимая жена и презируемая дочь, сошлись на этом пепелище сломанных судеб. Тайные соратники, скрывающие от других свои надежды, страхи и сомнения. Они редко делились друг с другом хорошим, но всегда поддерживали в плохие времена. Это была скорее не дружба, а солидарность, подобная преданности союзников в стане врага.

Из-за поворота вышла Додола в окружении свиты. Дамир в очередной раз отметил, насколько хорошенькой стала его сводная сестра. Ладная, невысокая, с длинными, тёмными, вьющимися волосами. Миловидная, словно куклолка, модно и броско одевающаяся, любящая разного рода побрякушки. Её улыбка растопила не одно сердце в обоих мирах. При этом Додола умна и начитана, что позволяет ей общаться во влиятельном круге бабки Морены.

«Достойная смена растёт у Мары», – подумал Дамир, склоняя голову в приветственном поклоне. – Вот уж кто наверняка знает, что задумала старая ведьма».

– Доброй ночи, – томно выдохнула красавица. – Ты к матери направляешься?

– Доброй ночи, сестра. Да, решил проведать.

– Посреди ночи? – ухмыльнулась Додола. – Что же время такое неподходящее выбрал? Или верно люди судачат: замышляете с ней что-то?

Дамир замер и поднял взгляд. Тёмно-янтарные глаза недобро блеснули, брови сошлись к переносице.

– Не сердись, – легко засмеялась Додола. – Пошутила я. Мне ли не знать, что моя мать бесполезная и жалкая, как муха: и убить жалко, и пользы никакой.

Она небрежным жестом поправила локон, выбившийся из причёски, щёлкнула пальцами, унизанными кольцами, и невозмутимо прошла мимо Дамира. Свита засемила следом, стараясь не отставать.

«Стерва! Красивая, расчётливая, бессердечная стерва, – он проводил сестру взглядом, полным презрения. – Как у такой женщины, как Макошь, могли появиться такие дочери, как Додола и Параскева?»

Дамир завернул за угол и оказался у дверей, за которыми располагались покои Макоши: несколько комнат и один большой зал для визитов важных гостей. Правда, приёмы в этой части замка не проводили уже давно. Жена Велеса была замкнутой, застенчивой и имела не так много друзей.

Колокольчик над дверью звонко тренькнул, сообщая хозяйке о госте. Зная расположение, Дамир уверенно зашагал сквозь галерею комнат. Из последней ему навстречу вышла высокая, нескладная, черноволосая женщина. Бледно-серые глаза чуть припухли от слёз.

– Макошь, ты снова плакала? – Дамир взял её руки в свои и заглянул прямо в лицо. – Кто на этот раз?

Женщина виновато потупилась.

– Додола. Верно? Я встретил её в коридоре. Опять изводила тебя обвинениями? Сколько ты будешь терпеть?

– Она хорошая девочка. Просто слишком амбициозная. Ничего страшного, я не в обиде, – Макошь смущённо тараторила слова оправдания.

Дамир осуждающе покачал головой. Ему не нравилось отношение сводных сестёр к матери. Разве можно презирать людей за доброту, осуждать за доверчивость, считать слабостью их любовь к детям? Просто Морена разочарована в старшей дочери, которая не похожа на неё, вот и настроила внучек против Макоши.

Дамир постоянно твердил, что ей нужно научиться ставить дочерей на место. Нельзя позволять им унижать и оскорблять себя. Но женщина всегда находила оправдание их словам и поведению.

Ему лишь оставалось утешать Макошь своим присутствием.

– Кстати, не знаешь, что случилось? В замке суета. Говорят, Мара готовится к приёму.

– Подробностей не знаю, но Додола упомянула: ждут особого гостя.

– Интересно. Когда?

– Не знаю.

Макошь усадила Дамира за стол и пододвинула к нему коробку с любимыми лакомствами. Он разлил душистый чай в яркие пиалы, которые привёз ей в подарок с далёкого острова.

– Как давно ты навещался в деревню? – начала она разговор.

– Месяца четыре назад. Сегодня только подумал: надо бы съездить. Думаю, завтра отправлюсь, пока здесь суета всех отвлекает.

– Вот и правильно, – Макошь согласно кивнула. – Что-то на сердце не спокойно. Знаешь, во сне видела багровую луну. Ничего хорошего она не предвещает.

– Я в сны не верю. Ты же знаешь.

– Не веришь, но видишь, – тихо пробормотала женщина. – Долго будешь от них прятаться?

– Не хочу об этом, – буркнул Дамир. – Лучше скажи, Велес правда женить меня надумал?

– В последний раз он сильно на тебя разозлился. Надо тебе уехать от его глаз подальше. Остынет – вернёшься. Зачем ты его злишь всё время? Нравится потом расхлёбывать?

– Только не начинай причитать и жалеть меня, – тут же вскинулся Дамир. – Отец иногда бесит. Хочется сбить с него спесь, вот и завожусь.

– Сели бы с ним, поговорили, как отец с сыном. Обида меж вами: я чувствую. Да только гордые оба, ни один уступить не желает, оттого и собачитесь, – Макошь удручённо поцокала языком. – Все беды в мире начинаются с обиды, которую можно решить одним честным разговором по душам. Кажется, что проще: сели друг напротив друга, выговорился один, потом другой. Нужно только выслушать, не споря, не обвиняя. Услышать и понять боль друг друга. Тогда и принять станет легче. Обида уйдёт сама собой.

– Сказать проще, чем сделать.

– Да. Гордыня мешает.

– Мы же люди. Состоим из одних пороков, – хохотнул Дамир.

– Всё бы ничего, да только из-за наших пороков страдаем мы сами, а из-за пороков Высших страдают все.

Чай закончился, как и разговор. Распрощавшись, Дамир вышел от Макоши и поднялся на стену замка.

Серые камни остыли за ночь, от них приятно веяло холодком. Он любил бродить в одиночестве при лунном свете. В голове прояснялось, приходили светлые мысли и новые идеи.

Медленно шагая вдоль стены, Дамир вспоминал последний разговор с Матерью-хранительницей. Столько лет прошло, а он так и не смог встретиться с ней снова. Мудрая женщина предупреждала: без Саяны их миры ждёт катастрофа. Он не верил. Обида и отчаяние затуманили разум.

– Почему я должен спасти это мир? – кричал он тогда. – Зачем? Если он принёс мне одни беды. Только боль, потери и страдания.

– Судьбу не выбирают, – голос Матери-хранительницы не дрогнул от его крика. – Смирись или борись, – говорили Великие.

– Плевать я хотел на Великих. Они не вернут Саяну. Или, может быть, Вам это под силу?

Дамир печально усмехнулся: он выглядел таким жалким в тот день.

Внизу затих город, улицы которого начинались у подножия замка. Народ спал, не подозревая о тёмной угрозе, ползущей со стороны Хвангура. Люди наивно верили в силу Высших, начинали забывать о Великой битве и её причинах. Они перестали следить за границей между мирами.

Светлые маги предпочитали жить в своём светлом неведении. Но отрицание проблемы не исключает её наличие, к сожалению.

Племена, живущие рядом со священной горой, давно жалуются на изменение климата, исчезновение животных и некой тревожности, витающей в воздухе. Обратни отлично это чувствуют.

«Пора самому съездить и проверить обстановку, – решил Дамир. – Да с Живой было бы неплохо встретиться. Кому как не ей знать о состоянии священной берёзы». Он остановился: напротив светились окна в башне Морены.

«Поездку в деревню хранительниц придётся отложить, – Дамир криво ухмыльнулся, презирая себя за облегчение, которое почувствовал при мысли об этом. – Да, смирить гордыню не просто, что бы там не говорила Макошь».

В темноте послышалось хлопанье крыльев. Он отвлёкся от мыслей и перегнулся через парапет, пытаясь разглядеть ночную птицу. В ярком свете, исходящем от окон, тень казалась огромной. Она кружила сначала у одного проёма, потом у другого, поднимаясь выше. Внезапно створка наверху, тихо скрипнув, открылась, и чёрная птица шмыгнула внутрь. Замок снова погрузился в безмолвную тишину.

«Любопытно. Мара использует птиц-перевёртышей или кто-то прислал ей тайное сообщение? – Дамир нахмурился, обдумывая увиденное. – Пожалуй, стоит выехать в деревню пораньше».

Он ещё раз окинул взглядом башню Морены, развернулся и решительно зашагал обратно. Нужно подготовиться, путь предстоит неблизкий.

Глава 7

Велес закрыл книгу и посмотрел на часы: поздняя ночь. Впрочем, как обычно. Последние несколько сотен лет он маялся бессонницей. Каких только способов не предлагали знахари и ведуньи. Всё без толку. В конце концов Велес перестал искать лекарство и научился использовать появившееся время с пользой.

Он вышел из библиотеки и поднялся по винтовой лестнице на смотровую площадку главной башни замка. Мало кому дозволено заходить сюда. Велес прислонился спиной к стене и расслабился, пытаясь дышать полной грудью. Где-то под ребром тут же зашевелилась старая боль. «Зачем иметь долгую жизнь, если здоровье ни к чёрту?» – мысленно огрызнулся он.

Возраст никого не жалеет. Это Велес понимал, но тщательно скрывал свои недуги от других магов. В последнее время его интуиция верещала, словно испуганная обезьяна, которой наступили на хвост. Велес прислушивался, присматривался, но никак не мог определить источник опасности.

Да ещё Морена повадилась приезжать в гости. Её присутствие всегда вызывало тревогу. Мара – известная интриганка и великолепный стратег. Неспроста она сидит у него под боком, притворяясь любящей бабкой, скупающей по внучкам.

Несмотря на его отношение к тёще, Велес предпочитал держать заклятых союзников перед глазами. Это не раз спасало ему жизнь в старые времена. Однако сейчас присутствие Морены угнетало. Контролируя других, тяжелее всего не раскрывать свои эмоции, прятать истинные чувства, отводя подозрения от тех, кого любишь.

Велес кинул взгляд на светящиеся окна в башне Мары. Любила ли она кого-нибудь? Или её сердце такое же холодное, как равнодушие, застывшее в бледно-серых глазах? Хотя говорят, Ярило сумел покорить эту ведьму. За что поплатился жизнью, к сожалению.

Велес тяжело вздохнул, вспомнив былые времена.

Ночное небо перечеркнула падающая звезда. Её яркий хвост мелькнул на мгновение и растворился в темноте, словно она нырнула в глубину. Статика небес утомляла его. Он начал зевать и скучать, глядя на безликую, огромную луну и неподвижные точки звёзд, словно прибитых к небосводу.

Столько веков прошло, а Велес до сих пор с тоской вспоминал тот мир: несовершенный, слабый, с алчными людишками, вечно жаждущими славы и денег.

Да, мир людей был неидеальным, но каким красивым. Живое и трепетное небо, его перемены после дождя, невообразимые закаты и рассветы. Ночное дрожание звёзд и серебристый, мерцающий лунный лик.

«Хорошо, что она осталась там. Пусть лучше ненавидит, – Велес тряхнул лохматой головой и нахмурился. – Откуда всплывают подобные мысли?»

Каждый раз он давал себе слово не вспоминать о той ведунье. Запретил даже в мыслях называть её имя. Но в такие редкие, ночные часы одиночества она всё равно возникала в его памяти: светлый образ, несбыточная мечта.

«Даже у Высших есть то, что они не могут получить при всей своей могущественности». Кто говорил ему это? Велес озадаченно сморщил лоб и потёр переносицу, пытаясь вспомнить, но не смог.

Иногда он задумывался: что было бы, сделай он тогда другой выбор. Стал бы счастливее?

К сожалению, статус и происхождение сделали его циником-реалистом. Велес знал свою патологическую приверженность правилам и законам, считая: если Высшие начнут их нарушать, то и другие не будут им следовать. Тогда Ирий накроет хаос. Поэтому, как ни приятно мечтать о другом исходе, но случись это снова, его выбор остался бы прежним.

Велес устало прикрыл глаза. Порой так хотелось обернуться и помчаться в зверином обличье по утренней дымке. Чтобы шкура намочла от росы, а трава колола пятки. Чтобы дурманящие ароматы туманили голову, и не осталось ни одной тревожной мысли. Только звериная жажда жизни.

Где-то внизу захлопали крылья. Чёрная тень пересекла двор замка и зависла возле башни Морены. «Кто это? Таинственный гость? Шпион? Или всего лишь птица-почтальон?» Тень проскользнула в открывшееся окно и пропала из виду.

Велес вскинул руку и быстро начертил в воздухе руну, активирующую систему слежения, расставленную по всему замку. Он редко вспоминал про неё, но сейчас самолюбие было задето. Похоже, Маре пора преподать урок: строить козни за спиной хозяина – это уже слишком.

Велес встряхнул руками и развернулся, собираясь уходить, как вдруг взгляд упал на стену замка, соединяющую башни. При свете луны был хорошо виден человек, стоящий там: «Дамир!» Сердце рванулось раненой птицей, устремившись к сыну. Тот не видел его. Велес сначала обрадовался, но тут же испугался своих чувств: «Хорошо, что ночь темна и безлюдна. Можно на мгновение разрешить себе быть искренним».

Сын. Его боль и гордость. Он не мог дать ему то, что хотел. Скрывал истинные чувства, прячась за равнодушием и холодностью. Чаще ругал, чем хвалил. Держал на расстоянии, когда невыносимо хотелось обнять. Не прощал слабости, наказывал за любое проявление малодушия, а потом выл в подушку, мечась, как бешеный зверь.

Велес в тайне любовался Дамиром. Тот вырос настоящим мужчиной: смелым, твёрдым, мудрым, осторожным.

«Судьба не справедлива к этому мальчишке, – печальная складка легла меж бровей Велеса. – Говорят, молния не бьёт дважды в одно место, но, похоже, сын – исключение из правил. В его случае удары сыплются один за другим с малых лет и по сей день. Бесспорно, испытания закаляют мужчину, но делают ли они его счастливее...»

Велес ещё помнил, как залиvisto смеялся Дамир в детстве. Этот смех, словно звон колокольчика, разливался в воздухе: счастливый, лёгкий и беззаботный. Как давно это было?

«Увижу ли я ещё раз твою улыбку? – Велес проводил глазами уходящего Дамира. – Если бы ты знал, как нужен мне. Особенно сейчас, когда в воздухе витает дух тревоги и опасности».

Велес сжал кулаки, подумав о том, что собирается сделать. Его решение сын воспримет в штыки, но другого выхода нет. «Ты сильный. Ты справишься. Надеюсь, потом мы сможем, наконец, поговорить начистоту».

Велес набрал полную грудь свежего воздуха. Вздохнул так глубоко, чтобы до боли, до темноты в глазах. Боль всегда отрезвляла его, напоминала о хрупкости жизни, давала ощущение уязвимости. Именно этого порой не хватало Высшему Первородному магу, живущему уже не одну сотню лет.

Встряхнувшись, Велес расправил могучие, медвежьи плечи и сурово свёл брови. Нельзя расслабляться! Не сейчас.

– Так, сначала выясним про ночную птицу, залетевшую к Морене. – Велес направился к лестнице, на ходу доставая из кармана небольшое зеркальце, связанное с системой слежения.

Небосвод чуть посветлел. Начинался новый день.

Глава 8

С приближением к замку головная боль усиливалась. Вековой мрак окончательно проснулся и рылся в памяти, как хорёк в поисках добычи. Нужно было срочно отвлечь этого голодного монстра, иначе конец надеждам.

Он приказал себе думать об уже известном, перебирать массу незначительных деталей, копошиться в мелочах, мысленно раздувая их до гигантских размеров.

Чёрные щупальцы, цепко сжимающие мозг, чуть ослабли. Мутное ядро мрака, словно ртуть, перетекало из стороны в сторону при движении, вызывая тошноту.

Постоянное давление сводило с ума. За несколько лет вдали от хозяина он отвык от этого. Расслабился. Размяк. Забыл, с кем имеет дело. Теперь придётся ходить по лезвию, иначе противник раздавит его, не раздумывая.

Темнота внутри хищно оскалилась и насторожилась, словно чуткая гиена. «Стоп! Никаких посторонних мыслей. Только детали. Много деталей».

На горизонте показался замок. Его массивная туша нависала над городом тёмной тенью. Жители спали. Улицы, укрытые ночью, словно одеялом, мирно посапывали. Ему казалось, что он слышит дыхание города: размеренное, глубокое, тёплое.

От замка же веяло прохладой. Светло-серые камни, ярко бликующие на солнце, ночью потускнели, превратившись в невзрачные булыжники.

Мрак в голове встрепенулся, почуяв близость хозяина, как пёс.

Как странно устроен этот мир. Казалось бы, замок Высшего светлого мага должен быть наполнен светом и добром, но здесь чувствуется присутствие тёмной силы. Мрак, словно чёрная плесень, тихо ползёт по стенам, просачиваясь сквозь перекрытия. «Почему никто не замечает? – мелькнула удивлённая мысль. – Может, я вижу, потому что сам наполовину заполнен темнотой?»

В нужных окнах горел свет. Раньше он даже подумать не мог, что два заклятых врага окажутся под одной крышей, однако это случилось. Сей факт сильно осложнит ему жизнь.

Господи, как же он устал! Хочется бросить всё и сдаться. Вековой мрак внутри радостно завозился, потирая свои щупальцы.

«Ну, уж нет! Шиш тебе! Мне нужно выжить и вернуться. Остальное не в счёт». Он почувствовал, как глубоко внутри встрепенулась птица-надежда. «Тихо! – сердито буркнул ей. – Не буди лихо».

Ставни тихо скрипнули, чья-то рука открыла окно, пропуская его в замок.

Глава 9

Безвремяе. Человечеству неведомо это состояние. Вакуум, безмолвие, абсолютный ноль – с ними худо-бедно разобрались. Но что значит безвремяе?

В детстве Веселина рассказывала Толе историю о разделении Ирия. Тогда священное древо Мира расколосось: берёза проросла в Березани, а кипарис – в Хвангуре. Единое распалось, но связь осталась.

Среди магов ходят слухи, что меж священными деревьями существует портал. Он открыт, и его никто не контролирует. Однако даже Высшие им не пользуются. Там царит безвремяе. Нет его точного описания, потому что никто из ушедших не вернулся оттуда.

В тяжёлые времена после Великой битвы и разделения Ирия свободный переход из мира в мир стал невозможен. Прознав про бесконтрольный портал, нелегалы пытались воспользоваться им, но после нескольких попыток передумали. Людей, входивших в него, никто больше не видел.

По преданию Светлобог и Чернобог ушли в безвремяе, увидев, сколько горя принесла Великая битва. Они разочаровались в своих детях и покинули их.

Мать-хранительница того времени предрекла: в будущем родится ребёнок, способный вновь объединить Ирий, но случится это не раньше, чем Высшие пройдут испытание властью, богатством, гордыней и тщеславием. Только испытав и справившись с ними, они помудреют и осознают совершённые ошибки. Тот ребёнок сможет вернуть отцов-основателей из безвременья, и Ирий снова станет счастливым раем, о котором слагали легенды.

Обо всём этом Толя вспомнил, лишь когда провалился в портал под священным кипарисом. Сначала его охватила паника: «Я не могу, не имею права застрять здесь!» Мысли лихорадочно скакали, пытаюсь найти решение. Потом навалилась апатия.

Он не мог оценить, как долго бредёт в безмолвном пространстве. Здесь не было привычных ориентиров: травы, земли, деревьев, облаков. Не то сумерки, не то утренняя, предрассветная дымка. Нечто зыбкое и неосязаемое. Нет запахов, звуков. Безвременная пустошь.

Разглядывать и осмысливать нечего, поэтому поневоле начинаешь копаться в себе: своих мыслях, страхах, проблемах.

Толя читал, что в давние времена люди специально уходили в безлюдные места, становились отшельниками, чтобы познать внутренний мир, разобраться, переосмыслить и вернуться просветлёнными. Все они были непростыми людьми: имели за плечами богатый опыт, а порой высокий статус и деньги. Что заставляло их отшельничать?

«Может быть, мне тоже дали возможность подумать о себе? О тех невысказанных вопросах, которые давно мучают. В конце концов именно они – причина моего появления здесь».

Толя остановился, закрыл глаза и выровнял дыхание. Сосредоточившись, аккуратно разделил физическую и астральную сущности.

Обычный человек часто беседует сам с собой: будь то принятие решения, либо простые размышления. Людям нужен собеседник, пусть даже воображаемый, потому что, проговаривая проблемы, озвучивая их, человек вытаскивает их из тьмы на свет, делая осязаемыми, материальными. С видимым сражаться проще.

Толя сделал астральную сущность своим гипотетическим собеседником. Пусть призрачным, но весьма реальным. Астральный двойник мог спорить, приводить аргументы, задавать каверзные вопросы или терзать сомнениями. В общем, всё то, что делает человек, беседуя сам с собой.

Призрачный собеседник выскользнул из тела, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Толя хотел сесть, но передумал, глядя, как зыбкая хлябь под ногами начинает неприятно обволакивать его. Он вскочил и побрёл, куда глаза глядят. В безвремяе нет направлений.

– О чём поговорим? – Двойник пристроился рядом и потирал ладони от нетерпения. Он любил дискуссии: когда ещё призраку представится возможность побыть самостоятельным.

– О родителях.

Толя задумался. О родителях он знал мало, в основном из рассказов Веселины. В детстве, слушая её истории, Толя убеждал себя и «берегиню» в отсутствии какой-либо обиды на них. Однако глубоко внутри он понимал: врёт.

Возможно, это была ложь во спасение. Проще оправдывать и находить причины, чем изводить себя злостью. Хотя её зародыш прятался внутри и недовольно ворчал, что его заперли. Услышав своё имя, обида расправила плечи и высунула голову из убежища.

– Разве мать может бросить или отдать ребёнка? – гнусаво загундела она.

– Не может. Именно поэтому должна существовать веская причина такого поведения.

– Какая? Она даже глаза тебе прикрыла, чтобы ты не смог её вспомнить и найти. Кукушка, одним словом.

– Не смей её оскорблять!

– Давай, давай, оправдывай, – зло хихикнула обида. – А отец? Зачем сунул младенца незрелой фее и отправил в другой мир? Чтобы глаза не мозолил?

Толя вдруг почувствовал, как волна непреодолимой злости накрывает его. Сколько раз он задавал себе эти вопросы? Зачем отец изгнал его из магического мира? Не проще ли было защищать своего сына, находясь рядом? Да кто бы посмел его тронуть с такой родословной?

Тут Толя осёкся. Родословная! Конечно. В ней всё дело. Никто не знал, кем была его мать, кроме отца. Тот скрыл всю информацию о ней. Почему? Неужели она настолько пугающая и отвратительная?

Толя вспомнил сон: мелодичный голос, полный грусти, нежные руки, убаюкивающие его. Слова песни снова всплыли в голове:

Древо знает? О чём? Может быть, она была феей? Но тогда Веселина бы знала о ней. Феи трепетно относятся к истории рода, до мелочей описывая в летописях даже неприятные события, касающиеся их семьи. Тогда кто она?

Почему мать «должна отступить»? Столько вопросов. Однако из её же слов она тоже добровольно оставила сына. Что не так с этими родителями? Одна плачет, но всё же уходит. Другой отдаёт сына няньке и высылает в мир людей. В чём причина?

– Важен ли мотив? – снова загундосила обида в лице астрального двойника. – Суть-то не меняется: они тебя бросили. Возможно, даже поплакали, но в конце концов забыли.

– Не думаю. Иначе Веселина не прятала бы меня столько времени. Подозреваю: «берегиня» не всё рассказала. Интуиция подсказывает, что «ищейки» тоже по мою душу присланы в тот мир.

– Родителей вина, – обида продолжала гнуть свою линию.

Чем больше Толя думал об этом, тем яснее становилась мысль: не всё так просто, как кажется. Вернее, всё не то, чем кажется.

Если поразмыслить, источником информации о прошлых событиях является Веселина. В Толиной памяти остались лишь смутные обрывки собственных воспоминаний. «Берегиня» же оценивала ситуацию со своей точки зрения.

– Возможно ли, что обида – проекция отношения приёмной матери к случившемуся? – Толя остолбенел от этой мысли.

«Никогда не полагайся на чужие мнения по спорным вопросам. Формируй свои, – вспомнились слова Павла. – Причинно-следственная связь крепче, если она основывается на твоих собственных ощущениях».

Толя почувствовал, как обида тает, словно кусок грязного льда в чистых речных водах. Он облегчённо выдохнул.

– Отлично. Теперь будем разбираться и решать семейные загадки с холодной головой, без затаённых обид.

Призрачный помощник усмехнулся и одобряюще похлопал его по плечу, потом как-то настороженно дёрнулся, испуганно заозирался и исчез.

Толя ощутил, как астральная сущность слилась с физической и затихла. Он закрутил головой в надежде увидеть хоть что-то в безвременной пустыне.

Ты меня не вини
И за слабость прости.
Древо знает мою печаль.

Мой малыш, мой малыш,
Сердцем маму услышь.
Я должна отступить. Прощай.

Вокруг по-прежнему висел белёсый дым небытия. Лишь в одном месте он слегка сгустился. Толя с интересом направился в ту сторону.

С приближением стал заметен вихрь, крутившийся, словно волчок, внутри туманного сгустка. Его скорость вращения увеличивалась, он становился плотнее и ярче. Затем резко сжался, собравшись в комок, и лопнул с такой силой, что взрывная волна сбила Толю с ног. Он упал навзничь. Зыбкая хлябь мягко спружинила, принимая удар.

Пары вдохов хватило для оценки состояния, после чего Толя вскочил.

На месте лопнувшего сгустка стоял старик и удивлённо разглядывал его. Незнакомец выглядел очень старым. Глубокие морщины избородили смуглое лицо. Длинная, седая борода висела клоками, словно её не расчесывали последние сто лет. Он был маленького роста, тщедушный, похожий на быстро состарившегося ребёнка. На худом теле болтались серая, холщовая рубаха, подпоясанная бечёвкой, и такого же цвета штаны.

А на ногах... лапти. Толя даже прищурился, разглядывая их: «Надо же, как настоящие!»

– Нравятся? – вдруг спросил незнакомец. – Сам сплёл. Лыковые. – Он гордо выставил на пятку одну ногу, потом – другую, явно любуясь своим творением.

Странно, голос старика был звонким, мальчишеским, да и глаза озорно сверкали из-под седых, густых бровей.

– Да, классные! – в тон ему ответил Толя. – Неужто сами лыко готовили? Где же Вы его здесь нашли?

– То давно было, – вдруг смутился дед и вмиг постарел.

Толя даже поперхнулся от такой быстрой перемены. Теперь перед ним стоял хмурый, недовольный старикашка, недобро зыркающий исподлобья.

– Давайте знакомиться, дедушка. Меня Толя зовут. – Анатолий протянул деду раскрытую ладонь.

– Вот ещё, – буркнул тот. – Много тут ходило, знакомилось. Да все сгнули.

– Куда? Выход нашли? – Толя чувствовал: с этим стариком надо держать ухо востро.

– Здесь нет входа-выхода, – хихикнул дед. – Дураки! Думали обмануть меня. – Он мелко, раскатисто засмеялся, снова молодея на глазах.

– Куда сгнули-то?

– Кто ж их знает? – Пожал плечами старик. – Безвременье – это же небытие. Понимаешь?

Толя не понимал, но переспросить не решился. Дед, увидев сомнения на лице собеседника, хитро ухмыльнулся:

– Тебе не надо понимать. Здесь задерживаются только люди с нерешёнными проблемами. Либо те, кто неискренен, оттого не видит дальше собственного носа.

Старик снова залюбовался лаптями, заулыбался, помолодел.

– Я вот не хочу ничего решать. Иногда полезно побыть пустышкой. Моя задача – стать настолько пустым, насколько смогу.

– Зачем? – изумился Толя. – Что здесь хорошего? Разве тогда Вы не станете глупым? – произнёс и осёкся, осторожно глянув на собеседника: не обидел ли.

Дед нахмурился, завращал глазами, размышляя.

– Брат мой также говорит. Мол, в пустой голове рождаются глупости. Поэтому сидим здесь: думаем, спорим.

– Так Вы не один? А где же брат?

– Спит пока. Да ну его. Тот ещё бука, – отмахнулся старик. – Ворчит да ноет.

– Как же вы тут живёте? Ничего нет вокруг, кроме тумана. – Толя окинул взором окружающее пространство.

– Хорошо. Детали отвлекают, знаешь ли.

Дед вдруг лихо перепрыгнул с одной ноги на другую и ударил в ладоши:

– Опа! Нравится мне с тобой разговаривать. – Старик мелко засеменял вокруг Толи, постепенно сужая круг. – Оставайся. – Он протянул руку, намереваясь хлопнуть собеседника по плечу.

Что произошло потом, Толя помнит смутно. Внезапно всё тело пронзила ужасная боль. Деда отбросило от него, словно он наткнулся на энергетический барьер. Посыпались искры.

Толя схватился за грудь. Горячая волна, как густая лава, вырвалась оттуда и обожгла руку. Стало невыносимо жарко. Казалось, тело плавится. Он сорвал с себя рубаху, пытаясь остановить охвативший его пожар. На груди пульсировал амулет. Крест Сварога раскалился и кроваво горел в белёсом тумане небытия.

«Что с ним? – чертыхнулся про себя Толя. – Как же больно!» Он схватил оберег, намереваясь снять, но застыл от удивления: камень был ледяным на ощупь.

– Занятная вещица. – Старик медленно поднимался, стряхивая с одежды частички липкой хляби. Он брезгливо окинул себя взглядом: – Чёрт! Опять напялили эти бестолковые лапти.

Толя удивлённо поднял глаза на деда. Что-то в нём изменилось. Голос стал силовым, морщины глубже, брови сошлись на переносице, губы скривились в ехидной ухмылке, пропал детский задор.

– Кто это у нас здесь? – Старик внимательно рассматривал Толю. От его взгляда веяло холодом. – Стоит только на минуту отлучиться – братец чудить начинает.

Оберег по-прежнему мигал красным, словно тревожный сигнал. Толя накинул рубаху, вытащив камень наружу на всякий случай.

«Нужно убираться отсюда», – пронеслось в голове. Он сжал амулет в кулаке, продолжая мысленно твердить себе это.

Почему-то старик внушал страх. Интуиция выла, словно испуганный пёс. Казалось, если дед подойдёт и коснётся, то Толя провалится в безвременье навечно.

Старик сделал шаг, потом другой, сверля Толю тяжёлым взглядом. Чёрные глаза смотрели пристально, наполняя душу ужасом. Почему-то вспомнилась болотная жижа, преследующая его на Хвангуре.

– Тебе не уйти от меня, – прошелестел чей-то голос.

Виски заломило, словно голову зажали в тиски. Перед глазами поплыли цветные круги. Не чуя ног, Толя попятился. Амулет на груди завибрировал, он прижал его к себе и почув-

свовал прилив сил. Теперь боль накатывала волнами. Астральная сущность встрепенулась и начала сопротивляться.

Старик слегка опешил, не ожидая получить отпор, но вскоре продолжил наступать. Толя видел лишь его глаза: чёрные, словно омут, холодные, словно лёд. Он осознал, что может остаться в безвременье навсегда, если не справится с дедом. Значит, никогда не увидит отца, не вернётся к Веселине и Ладе. Перед глазами промелькнул светловолосый лик и три звездочки в поясе Ориона.

«Чёрт! – его охватила такая ярость, как в детстве, когда он пытался спасти щенка от местной шпаны. – Я должен вернуться!» Глаза полыхнули янтарным огнём. Он выпрямился, расправил плечи и выставил вперёд руки. Пальцы бессознательно начали выводить в воздухе руны: одну за другой.

Старик замешкался, пытаясь прорваться сквозь шквал заклинаний, потом рассвирепел: в Толю полетели ответные удары.

Противостояние набирало обороты, туман вокруг них кипел и бурлил. Зыбкое небытие звенело от напряжения.

Дед был очень силён. Толя чувствовал, что силы на пределе. На шее проступили жилы, он взмок и устал, словно пробежал марафон. Ноги подкашивались, руки дрожали. «Помоги мне, – взмолился он, сжав оберег из последних сил. – Помоги мне!»

Лунный камень вспыхнул, заливая всё вокруг белым, слепящим светом. Последнее, что увидел Толя: изумление на лице старика. Потом сознание потухло, как будто его накрыло тёмное покрывало.

Глава 10

Ангелия бежала почти всю ночь. Она так устала. Мышцы сводило судорогой.

Лес, наконец-то, закончился. Деревья за спиной ещё хранили сумеречную прохладу, а на горизонте уже занималась заря. Солнечные лучи медленно раздвигали темноту, высветляя небо. На его фоне силуэт замка казался чёрным и чётким, словно вырезанным по трафарету.

Она упала на траву. Рубаха сразу намочила от росы. «Чёрт с ней. Надо немного отдышаться». Ангелия прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться на дыхании. В висках стучало, но уже через пару минут в голове прояснилось, грудь перестала тяжело вздыматься, мозг пришёл в состояние «боевой» готовности.

С недавних пор её навыки оборачивания улучшились. Ангелия заметила, что меньше времени тратит на изменение и быстрее восстанавливается после звериной динамики. Не зря соплеменники боялись её. Порой она сама пугалась своей силы, звериной мощи и стремительности.

Перевернувшись на живот, Ангелия прищурилась, разглядывая очертания города. Войти в него несложно, надо лишь дождаться, когда улицы начнут заполняться людьми. Вот в замок попасть сложнее. В прошлый раз ей помогли, но сейчас придётся сориентироваться на месте. «Ничего, прорвёмся. Главное, до отца добраться. Остальное не важно», – Ангелия снова перекадилась на спину и раскинула руки.

По небу уже плыли первые облака. Они казались плоскими, словно нарисованные маркером. Ровные, одинаковые, бледно-серые. Скучные, как сказал однажды отец. Из памяти тут же всплыл его образ: высокий, широкоплечий, красивый, но почти всегда хмурый.

Они редко виделись, скрывая встречи от посторонних глаз. Однако Ангелия и такому общению была рада. Приятно осознавать, что ты не одинока.

Первое время отец появлялся очень редко. Помнится, с четырёх лет до десяти они вообще не виделись. У неё даже начали появляться сомнения в его существовании.

Когда жизнь в племени сильно осложнилась, Ангелия хотела отправиться на поиски отца, однако выяснилось, что никто о нём ничего не знает. Рут с другими ребятами дразнили её подкидывшем, а взрослые цокали языками и тихо перешёптывались за спиной: «Мало, что сирота, так ещё и умом слаба. О каком-то отце вспомнила? Отродясь возле неё никого не было».

Расспросы старейшины тоже не принесли результата. Мах лишь хмурился и называл её глупой, безродной девчонкой, доставшейся ему от предыдущего главы рода.

Ангелия убегала в лес и подолгу выла от обиды: плакать она разучилась давно. Близлежащие деревья испытали на себе приступы её ярости. Некоторые до сих пор хранят глубокие следы когтей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.